

ПОСЛЕДНИЙ ДНЕВНИК ТУРГЕНЕВА

Статья, комментарии и публикация И. С. Зильберштейна

ДНЕВНИКИ ТУРГЕНЕВА

В литературном наследии Тургенева широко известны не только его романы и повести, рассказы и новеллы, пьесы и драматургические замыслы, но и его поэмы и стихотворения, эпиграммы и поэтические переводы, статьи и рецензии, корреспонденции и речи, воспоминания и письма. Все это уже многие десятилетия печатается на разных языках и давно вошло в мировую культуру. Но мы не найдем ни одной публикации такой части литературного наследия Тургенева, как его дневники. А ведь именно в них художники слова обычно с большей откровенностью, чем в письмах и воспоминаниях, говорят о своих литературных вкусах, общественных интересах и личных переживаниях. Более того, дневники Тургенева не только неизвестны в печати, но даже вопрос об их существовании остается невыясненным, — и это особенно удивляет, так как сам Тургенев однажды процитировал в печати три фразы из дневников, а в другом случае привел несколько строк из них в письме к другу.

В огромной литературе о великом писателе нет ни одной статьи, которая давала бы ясные ответы на вопросы: вел ли систематически Тургенев дневники, а если вел, то в какие годы, при каких обстоятельствах он принимался за дневниковые записи. И, конечно, при положительных ответах на эти вопросы, нужно попытаться установить: дошли ли до нашего времени дневники Тургенева, если не целиком, то хотя бы частично, а если дошли, то почему до сих пор не стали достоянием печати¹. Но так как, повторяем, такой исследовательской работы не существует, мы постараемся ответить на эти вопросы в настоящей статье.

I

16 ноября 1850 г. в Москве скончалась «полковница Варвара Петровна Тургенева», как гласит надпись на ее могиле. Сообщая 5—8 декабря Полине Виардо, что, когда были сняты печати с имущества покойной матери, не нашлось ни одного ценного документа, — «она все сожгла перед смертью», — Тургенев далее пишет: «Но все же мы нашли дневник, писанный карандашом и относящийся к последним месяцам ее жизни». И оказалось, что самым большим впечатлением тех трудных дней было чтение дневника матери, человека удивительно бессердечного и жестокого. «Какая женщина, друг мой, какая женщина! — читаем мы далее в том же письме к Полине Виардо. — Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. Да простит ей бог все... Но какая жизнь... Право, я совершенно потрясен <...> Когда-нибудь я вам покажу этот дневник; меня тяготит самая мысль скрыть от вас хотя бы и тяжелую, но интересную вещь». В тот же день, 8 декабря, Тургенев вечером снова возвращается к размышлениям о дневнике: «Этот дневник не выходит у меня из головы... Но не надо больше думать о нем».

Однако писатель продолжал думать об этом человеческом документе. Нам представляется, что отчасти под влиянием впечатления, оставшегося у него от чтения дневника матери, Тургенев сам начинает вести дневник. Во всяком случае, уже в следующем году к его литературным занятиям прибавилось еще одно. «С 1851-го года я стал вести дневник», — записал Тургенев в 1852 г. в «Мемориале». Здесь он кратко перечислил важнейшие события и факты молодых лет своей жизни. Следует подчеркнуть, что под датой 1851 г. это — единственная существенная запись в «Мемориале», значит Тургенев наиболее важным событием 1851 г. считал начало систематической работы над дневником².

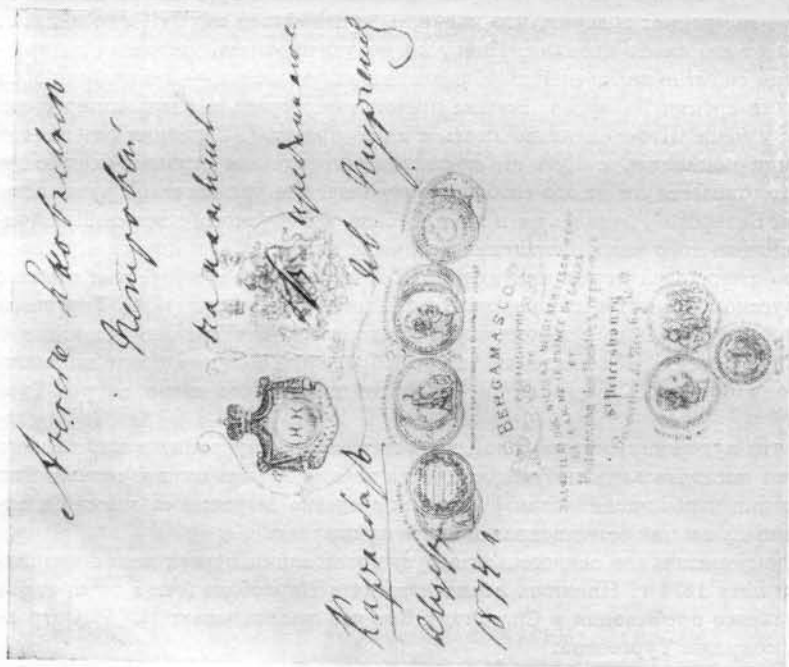
Мы предполагаем, что начатый в 1851 г. дневник писатель вел интенсивно. Возможно, что этот дневник был уничтожен Тургеневым в феврале 1857 г. в Париже вместе со значительной частью его архива. Тургенев, переживавший тогда неверие в свои творческие силы и глубокий душевный разлад, 1 марта (н. с.) писал Боткину: «О себе тебе говорить не стану: обанкрутился человек — и полно; толковать нечего. Я постоянно чувствую себя сором, который забыли вынести — вот тебе моя Stimmung *. Авось это пройдет, когда я брошу Париж <...> Третьего дня я не сжег (потому что боялся впасть в подражание Гоголю), но изорвал и бросил в watercloset все мои начинания, планы и т. д.». Завершая это письмо, Тургенев сообщает, что познакомился со многими людьми, и говорит: «Я вообще приятно бы мог проводить время, если б не был отравлен. Увидимся, многое расскажу — а писать не хочется». Тут явно идет речь о переживаниях интимного характера, связанных с Полиной Виардо, чего не объяснили комментаторы этого интереснейшего письма³. Но об этом будет подробнее сказано далее.

На протяжении последующего двадцатипятилетия жизни Тургенева были, конечно, периоды, когда он снова и снова ощущал острую потребность в том, чтобы вести дневниковые записи, в которых ему хотелось запечатлеть переживаемое. Об этом существует несколько авторитетнейших свидетельств различного характера — документальных, мемуарных, эпистолярных. Главное же: сохранились не только признания Тургенева, что у него были дневники, но, как мы уже говорили, сам он приводил отрывки из них — в одном случае даже в печати.

Рассказывая в мемуарном очерке «По поводу „Отцов и детей“», что после появления романа в «Русском вестнике» он «испытал тогда впечатления, хотя разнородные, но одинаково тягостные», Тургенев писал: «Я замечал холодность, доходящую до негодования, во многих мне близких и симпатических людях; я получал поздравления, чуть не лобызания, от людей противного мне лагеря, от врагов. Меня это конфузило... огорчало; но совесть не упрекала меня: я хорошо знал, что я честно, и не только без предубеждения, но даже с сочувствием отнесся к выведенному мною типу». К этим строкам Тургенев делает такое примечание: «Позволю себе привести следующую выписку из моего дневника: <Спасское. 1861 г.> 30-го июля, воскресенье. Часа полтора тому назад я кончил, наконец, свой роман... Не знаю, каков будет успех.— „Современник“, вероятно, обольет меня презрением за Базарова — и не поверит, что во все время писания я чувствовал к нему невольное влечение». Поясняя на следующих страницах эту мысль, Тургенев снова возвращается к приведенным им строкам дневника: «... если автор сам не знает, любит ли он или нет выставленный характер (как это случилось со мною в отношении к Базарову, ибо то „невольное влечение“, о котором я упоминаю в моем Дневнике — не любовь) — тогда уже совсем плохо! Читатель готов навязать автору небывалые симпатии или небывалые антипатии, чтобы только выйти из неприятной „неопределенности“»⁴. Следовательно, в период создания романа писатель вел дневник, который был у него под руками, когда в конце 1868 — начале 1869 гг. он работал в Баден-Бадене над очерком «По поводу „Отцов и детей“».

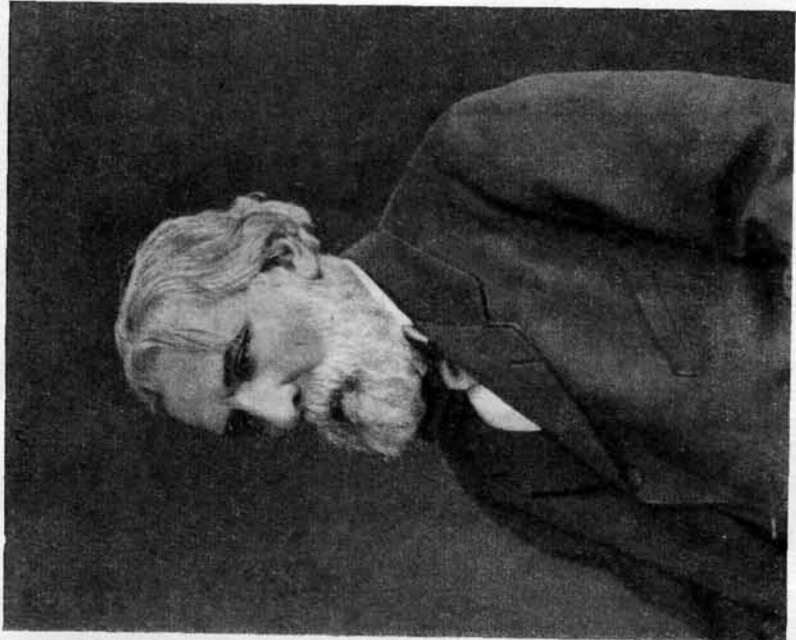
Дневниковые записи этого времени Тургенев хранил и в позднейшие годы. Беседуя как-то с П. А. Кропоткиным, — это было, по-видимому, около 1879 г., — писатель спросил его мнение о Базарове. В ответ Кропоткин откровенно сказал: «Базаров — великолепный тип нигилизма; но чувствуется, что вы не любите его так, как любили

* настроенность (нем.).

ТУРГЕНЕВ

С царственной надписью на обороте: «Анне Яковлевне Петровой на память от преданного Ив. Тургенева. Карлсбад. Август 1874 г.»
 Фотография Ш. Бергамаско. Петербург, начало 1870-х годов.
 Собрание Ю. Г. Оксмана, Москва

других героев». — «Напротив, я любил его, сильно любил, — с неожиданным жаром воскликнул Тургенев. — Вот приедем домой, я покажу вам дневник, где записал, как я плакал, когда закончил повесть смертью Базарова». Учитывая признание Тургенева, что к Базарову он чувствовал не любовь, а всего лишь «невольное влечение», надо полагать, что мемуарист не совсем точно запомнил слова писателя об его отношении к герою (впрочем, сам Кропоткин ниже пишет: «Я думаю, что Тургенев больше восхищался Базаровым, чем любил его») ⁵. Зато весьма ценно сообщение Кропоткина о существовании в это время дневника, который писатель вел в 1861 году.

В 1873 г. в Париже с Тургеневым познакомился американский писатель, норвежец по происхождению, Хьялмар Бойесен. Повествуя в следующем году на страницах нью-йоркского журнала об их беседах, Бойесен приводит слова Тургенева о Базарове: «Он так завладел мной, что я вел от его имени дневник, в котором он высказывал свои мнения о важнейших текущих вопросах, религиозных, политических и социальных. То же самое я проделал относительно одного из второстепенных характеров в „Накануне“... я даже забыл его имя теперь...

— Не Шубин ли? — решил я напомнить.

— Да, да, именно Шубин, — воскликнул Тургенев с видимым удовольствием, — оказывается, вы лучше меня самого помните моих действующих лиц. Да, это был Павел Шубин. Я недавно сжег его дневник, и он был значительно объемистее романа, в котором сам Шубин фигурирует. Я считаю такие эпизоды подготовительной работой; пока действующее лицо не обрисовывается с полной ясностью и не появится в резких очертах в моем уме и пред моими глазами, я не могу ступить шагу в моей работе» ⁶.

Прямым подтверждением того, что существовал «дневник Базарова», может служить сообщение другого литератора, который познакомился с Тургеневым несколько лет спустя. Этот мемуарист говорит, что писатель признавался ему: «Когда я писал Базарова, я вел от его имени дневник. Книгу ли новую прочитаю, человека интересного встречу, или событие какое-нибудь общественное произойдет, — я все это вносил в дневник с точки зрения Базарова. Вышла претолстая тетрадь и очень интересная, но она пропала у меня. Кто-то взял почитать и не возвратил» ⁷. Редакция газеты, где эти воспоминания появились в 1884 г., сделала к цитируемым строкам следующее примечание: «Не отзовется ли на это сообщение завладевшее упоминаемой рукописью лицо? „Дневник Базарова“, появившись он в печати, быть может способствовал бы окончательному уяснению того типа, появление которого, известно, так дорого обошлось автору, вызвало столько разноречивых суждений и толкований в критике и столько недоумений в русском молодом поколении. Владеющие рукописями И. С. Тургенева должны понять, что творения великого художника являются отныне достоянием всей просвещенной России». К сожалению, на это обращение не последовало никакого отклика, хотя оно появилось всего лишь спустя девять месяцев после смерти Тургенева.

Думается, что художник, который для характеристики внутреннего мира своего героя чувствовал настоятельную потребность вести дневник от его имени, должен был иметь и свой дневник, ибо дневниковая форма как средство выражения мыслей и настроений ощущалась им как естественная и даже привычная.

Еще одно документальное свидетельство о существовании тургеневских дневников относится к лету 1874 г. Писатель лечился тогда в Карлсбаде (сюда он приехал после трехнедельного пребывания в Спасском). Вот что рассказывает Н. А. Островская о своем посещении Тургенева:

«Мы застали Ивана Сергеевича еще на ногах, но он жаловался, что ноги разбалтываются.

— Неудачна была моя поездка на этот раз. Думал я в деревне над своим романом поработать, а вместо того лежал, лежал и лежал. Вот я вам покажу какое впечатление произвела на меня деревня нынешний год.

Он подошел к письменному столу, на котором уже успел аккуратно разложить почтовую бумагу, перья, карандаши, портфель. Он вынул из этого портфеля тетрадь.

— Вот, смотрите, это все, что я был в состоянии записать в своем дневнике. Мы прочли: *„Такого-то числа: Растреклятая деревня!..“*

№ 1851⁷⁷. 2 сфа. Вост. Давиана.

18.142

Hobbs says he killed Bryant.

1853.

«С 1851-го г. я стал вести дневник»

Автограф, 1852 г., последний лист

Национальная библиотека, Париж

— А разве вы ведете свой дневник? — спросил мой муж.

— Веду уже давно. Кроме других причин, я веду дневник и ради постоянного упражнения. Для писателя необходимо писать каждый день. Чуть замедлишься, не пишешь некоторое время, — потеряешь привычку и трудно потом приниматься.

— Что же ваш дневник будет когда-нибудь напечатан?

— Нееет! Ни в каком случае! Даже в завещании оставляю просьбу сжечь его немедленно после моей смерти.

— Это обидно.

— Что делать? Что делать? Печатать нельзя. Все будет сожжено...»⁸.

Сообщение это весьма авторитетно: воспоминания Н. А. Островской принадлежат к числу наиболее правдивых мемуарных свидетельств о Тургеневе. Роман, о котором говорил Тургенев, это «Новь», — писатель долго работал над ним: задумав его еще в 1870 г., он завершил роман лишь летом 1876 г. Что же касается того дневника, одну из записей которого о своем пребывании в Спасском Тургенев дал прочитать Н. А. Островской и ее мужу, судьба этой рукописи не известна.

Особое внимание в рассказе Н. А. Островской привлекают слова Тургенева о том, что дневник он ведет «уже давно». Систематически Тургенев вел дневники и в последующие годы. В тогдашних письмах к друзьям он несколько раз упоминает о дневнике; в одном случае даже цитирует отрывок из него, точно указывая дату интереснейшей записи. В начале 1877 г. Я. П. Полонский прислал Тургеневу большое лирическое стихотворение, озаглавленное «Старое послание», в котором без упоминания имени Тургенева шла речь о его восторженном отношении к артистическому таланту Полины Виардо. Получив это стихотворение, Тургенев, который находился тогда в Париже, 7/19 апреля 1877 г. ответил поэту:

«Милый друг Яков Петрович, твое стихотворение (в котором есть удивительные стихи, как напр(имер):

В окно глядит и лезет в очи
Сырая мгла плаксивой ночи) —

возбудило во мне глубокую унылость; а для того, чтобы ты понял — почему? — выписываю тебе несколько строк из моего дневника:

„17/5-го марта. Полночь. Сижу я опять за своим столом; внизу бедная моя приятельница что-то поет своим совершенно разбитым голосом; а у меня на душе темнее темной ночи... Могила словно торопится проглотить меня: как миг какой, пролетает день, пустой, беспдельный, бесцветный... Смотришь: опять валишь в постель. — Ни права жить, ни охоты нет; делать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать...“.

Не выписываю дальше: очень уж уныло. Ты забываешь, что мне 59-й, а ей 56-й год; — не только она не может петь — но при открытии того театра, который ты так красиво описываешь, ей, той певиче, которая некогда создала Фидес в „Пророке“, — даже места не прислали, — к чему? — Ведь от нее уже давно ждать нечего... А ты говоришь о „лучах славы“, о „чарах пения“... Душа моя, мы оба — два черепка давно разбитого сосуда... Я, по крайней мере, — чувствую себя урыльником в отставке...

Ты можешь теперь понять, как на меня подействовали твои стихи. — (Прошу тебя, однако, истребить это письмо)»⁹.

Когда весной 1882 г. тяжелая болезнь заставила Тургенева подумать о судьбе его бумаг, он обратился 1/13 мая к наиболее близкому ему человеку из круга литераторов П. В. Анненкову с письмом, в котором просил позаботиться о них: «...все, что отыщется после меня в моих бумагах, как-то: начатые романы, повести, неоконченные и недоделанные рассказы — а равно и мои личные записки и корреспонденцию — также рукописи напечатанных сочинений предоставляю вам самим, любезный Павел Васильевич, в полное распоряжение и употребление, смотря по вашему усмотрению»¹⁰. Можно думать, что под словами «мои личные записки» Тургенев имел в виду свои дневники.

обидел и самонадеянность своих, и побуждая к разрыву
 руки не побуждал. Он совсем противился моему желанию,
 был враждебен. — Неудача кончилась... поражаю; но со временем
 не утратила себя: я хорошо знаю, что я делал, и не хотел
 быть предостереженным, но даже с совершенством отнесся ко
 французскому моему плану: (1) и снисходительно утратил
 привазию судейства, симпатизатора, этого побуждений
 устроил в таком виде. — Слово: "утилитаризм" даже тут
 не советую у человека, я просто никак не могу и не умею
 работать; да и человек, побуждая ко всему не предостережен.
 На критике ^{встречалась} ~~утилитаризм~~ "утилитаризм", утилитаризм
 о "утилитаризме", "утилитаризме" самодовольствия: — но как же
 стал он думать о и утилитаризме — не утилитаризм,
 с которого и армии не видны, но которого много
 утилитаризм как утилитаризм и как "утилитаризм" утилитаризм?
 Как же он и не был утилитаризм о своем де-
 лании. — Я бы так считал ^{в своем} ~~утилитаризм~~ утилитаризм
 утилитаризм, "утилитаризм" — утилитаризм, утилитаризм
 что же касается до "утилитаризма" самодовольствия — то
 думаю о том, что утилитаризм утилитаризм о "утилитаризме"
 моего утилитаризма утилитаризм "утилитаризм и утилитаризм" о "утилитаризме"
 утилитаризм — (я бы не мог считать утилитаризм утилитаризм
 утилитаризм утилитаризм) — (я бы считал, считал утилитаризм
 1861-году — утилитаризм утилитаризм — утилитаризм не
 со временем. — (утилитаризм утилитаризм). — Но? — утилитаризм
 утилитаризм утилитаризм, утилитаризм утилитаризм утилитаризм
 утилитаризм: "leur siège était fait" — и утилитаризм утилитаризм

(1) Утилитаризм сестры утилитаризм утилитаризм утилитаризм
 утилитаризм: — "30-е июля, утилитаризм — утилитаризм утилитаризм
 "утилитаризм и утилитаризм утилитаризм... на утилитаризм, утилитаризм
 утилитаризм — утилитаризм утилитаризм утилитаризм утилитаризм утилитаризм
 утилитаризм — утилитаризм утилитаризм, утилитаризм утилитаризм утилитаризм утилитаризм..."

СТАТЬЯ ТУРГЕНЕВА «ПО ПОВОДУ „ОТЦОВ И ДЕТЕЙ“»

Автограф, 1869 г. Лист 2

Тургенев цитирует здесь (сноска внизу страницы) запись из своего дневника от 30 июля 1861 г.

Исторический музей, Москва

судящих в месте въ отношении къ Вазарю - это
то "небольшое селеніе", окружатъ 2 уполномочен-
ные Директора - не много, - но и уже советъ
двое! - Живаетъ только на въѣздъ алмуру некая
ихъ селеніи или некая въ 2 км. отъ - 2 км. отъ
моста видны уже некая въ 2 км. отъ "непривлекательности".

"Ни отух ни зрети": сказала много раз, Венеро-
нах дома, но промолчи. мои книги; вонь камен-
ный замесил дома: востан - и вх сади - нилмилмил.
Купил на митовии викажиров-еу: в востан: садон
по востанеи: "Охм" - востан востан; востан
молит, вх жила и востан, сказала: Ни зрети
состанеи, востан (суть из сест) востан нею,
востанеи - а: ни, востанеи - и на востанеи востанеи
востанеи, вх востанеи востанеи востанеи востанеи
судит вх востан - а, востанеи востанеи востанеи
востанеи востанеи - на востанеи востанеи востанеи
востанеи востанеи востанеи - на востанеи востанеи
на востанеи. А в востанеи востанеи востанеи
вх востанеи востанеи востанеи востанеи востанеи
в востанеи востанеи востанеи востанеи востанеи

СТАТЬЯ ТУРГЕНЕВА «ПО ПОВОДУ „ОТЦОВ И ДЕТЕЙ“»

Тургенев ссылается здесь на запись в своем дневнике от 30 июля 1861 г.
Исторический музей, Москва

Спустя семь месяцев он прямо говорит о существовании дневника в письме к другому приятелю — Д. В. Григоровичу. Сообщая ему 3/15 декабря 1882 г. о составе «Стихотворений в прозе», напечатанных в декабрьской книжке «Вестника Европы», Тургенев писал: «Я никакого выбора не делал; я только откинул все личные, автобиографические, которые я никому не читал и не прочту, так как они предназначены к уничтожению вместе с моим дневником»¹¹.

То же самое сказано и в письме Тургенева от 29 декабря 1882 г. к журналисту Б. А. Чивилеву: «Неизданные „Стихотворения в прозе“ неизвестны даже самым близким мне людям. Они предназначены на сожжение после меня, вместе с моим дневником»¹².

Наконец, весьма возможно, что свои дневниковые заметки Тургенев имел в виду, когда писал 25 декабря 1882 г. Людвигу Пичу: «Что касается листов из дневника, то это длинная история»¹³. Письмо Тургенева целиком посвящено публикациям на немецком языке «Клары Милич» и «Стихотворений в прозе». Возникает вопрос: в какой связи здесь упоминаются «листки из дневника»? Трудно представить, чтобы Пич обратился к Тургеневу с предложением опубликовать какую-то часть дневников. Но совершенно очевидно, что Пичу было известно о существовании дневников Тургенева, а, может быть, кое-что и об их содержании. Вполне вероятно, что в мае 1882 г. (т. е. за полгода до настоящего письма), когда Пич, находясь в Париже, почти ежедневно посещал Тургенева, Тургенев не только рассказывал ему о дневнике, но, может быть, и читал отрывки («листки») из него.

Подробный рассказ о дневнике Тургенева имеется в воспоминаниях И. Я. Павловского, который в 1879—1883 гг. часто бывал у писателя. Молодой студент привлекался в 1875 г. на родине к дознанию по делу о пропаганде в империи (процесс 193-х). Вторично арестованный в апреле 1878 г. и высланный под надзор полиции в Архангельскую губернию, он бежал оттуда за границу и оказался в Париже¹⁴. Здесь Тургенев принимал некоторое участие в его судьбе. В частности, в октябре 1879 г. он написал предисловие к очеркам Павловского «Одинокое заключение. Впечатление нигилиста», появившимся в следующем месяце в парижской газете «Le Temps». Павловский несколько раз видел Тургенева за работой, вел с ним беседы по этому поводу. Отметив, что литературные занятия писателя продвигались медленно, Павловский далее говорит: «Я имею в виду беллетристические работы, потому что вообще он писал очень много, и именно в своем „Дневнике“. Я никогда не видел последнего, но несколько раз он говорил мне о нем. Так, например, однажды, рассказывая мне об одном молодом писателе, нашем общем знакомом, который жаловался Ивану Сергеевичу на свои жизненные невзгоды (<...>), он заметил: „Помилуйте, писатель не может, не должен поддаваться горю! Он изо всего должен извлекать пользу. Писатель, говорят, человек нервный, он чувствует сильнее других. Но потому-то он и обязан держать себя на узде, обязан решительно всегда наблюдать и себя и других. Ну, вот, например, случилось с тобой большое горе,— садись и запиши: то-то и то-то случилось, то-то и то-то испытываю. Горе пройдет, а превосходная страница останется; иногда такая страница может сделаться ядром большого творения, которое будет художественно потому, что правдиво, потому что живьем вырвано из жизни“.— Да ведь это легко сказать, Иван Сергеевич, садись и пиши, когда человеку может и хочется только одного: пустить себе пулю в лоб,— возразил я.— „Что ж такое, и это запиши. Если б все несчастные художники пускали себе пули в лоб, не было бы их ни одного, потому что все они более или менее несчастны. Да и не может быть счастливых художников: счастье — покой, а покой ничего не создаст... Что касается меня, я всегда веду дневник, в котором записываю все, что меня интересует; в дневнике я у себя дома, сужу и ряжу всех и все“.— Вы думаете его напечатать когда-нибудь? — „Никогда! — резко ответил Иван Сергеевич,— я завещал г-же Виардо, чтобы немедленно после моей смерти он был уничтожен, и она свято исполнит мое желание“. Я однако имею основание сомневаться, чтобы это было действительно так и даже думаю, что „Дневник“ Ивана Сергеевича появится в печати очень скоро»¹⁵.

Через три года Павловский выпустил в Париже книгу «Souvenirs sur Tourguéneff», в которой также привел этот свой разговор с писателем. Лишь последнюю фразу о том,

что, по его мнению, дневник скоро будет напечатан, он заменил другой: «Может быть, желание Тургенева не было выполнено. Было бы хорошо, чтобы м-ме Виардо не подчинилась этому приказу великого романиста и чтобы его дневник был бы когда-нибудь опубликован»¹⁶. Дневник Тургенева в это время очевидно находился у Полины Виардо, если не был сожжен, в чем мы сомневаемся: ведь не подверглись уничтожению «Стихотворения в прозе», которые сам Тургенев не напечатал, — хотя он считал, что после его смерти они будут сожжены вместе с дневником. Если бы дневников уже не существовало, Полина Виардо, вероятно, выступила бы с опровержением сообщения Павловского.

В мемуарной литературе имеется еще одно категорическое утверждение о существовании дневника Тургенева с указанием на беседу по этому поводу с самим писателем. Вот что пишет мемуарист, сообщая в статье о Полине Виардо, написанной в связи с ее смертью, о своей встрече с Тургеневым летом 1882 г. в Буживале: «Здесь однажды Иван Сергеевич мне сказал в разговоре: „Я всегда веду дневник, в котором записываю все, что меня интересует. В дневнике я уже дома, сужу и ряжу всех и все“. — Вы думаете его напечатать когда-нибудь? — „Никогда! — резко ответил Иван Сергеевич. — Я завещал г-же Виардо, чтобы немедленно после моей смерти он был уничтожен. И она исполнит мое желание“. Исполнила ли она это жестокое желание, — мне неизвестно. Но я имею некоторое основание думать, что она этого не сделала. Во всяком случае, и помимо дневника, в распоряжении Виардо осталось после Тургенева много драгоценных документов для характеристики эпохи, в которой он жил, а также его собственной личности и истории его творчества. Пока Виардо была жива, она, конечно, свято хранила все эти реликвии, которых понимала значение. Но что с ними станет теперь? Сумеют ли наследники отнестись с должным благоговением к этим историческим драгоценностям?»¹⁷

Кто же автор этих воспоминаний, напечатанных в 1910 г. в связи со смертью Полины Виардо? Ответа на этот вопрос в литературе о Тургеневе мы не найдем, так как автор почему-то скрыл свое настоящее имя под загадочной подписью Н. К.—ко, расшифровать которую до сих пор не удавалось, хотя только что приведенное нами свидетельство отнюдь не оставалось забытым тургеноведами. Не вызывает сомнения, что автор этого мемуарного очерка, в котором имеется ряд интересных сообщений о Тургеневе — тот же И. Я. Павловский. Об этом свидетельствует совпадение процитированных нами слов о дневнике Тургенева с тем, что этот мемуарист писал в своих воспоминаниях, напечатанных на русском языке в 1884 г., а затем на французском в 1887 году. Выступил же он в 1910 г. под псевдонимом по вполне понятной причине: являясь в те годы постоянным парижским корреспондентом «Нового времени», Павловский не мог, по видимому, открыто сотрудничать в другой петербургской газете. К тому же в тот самый день — 12 мая, — когда в «Русском слове» появился его мемуарный очерк о Полине Виардо, «Новое время» напечатало его корреспонденцию «Из парижской жизни», в которой тоже шла речь о смерти знаменитой артистки¹⁸. Поэтому в «Русском слове» Павловский выступил под криптонимом. Хочется подчеркнуть: слова Тургенева о его дневниках так поразили Павловского и врезались в его память, что на протяжении двадцати пяти лет он трижды в своих выступлениях в печати сообщал о них одно и то же. Это может служить косвенным подтверждением того, что писатель именно так говорил ему о своих дневниках.

Приведем, наконец, еще одно упоминание о том же дневнике, имеющееся в воспоминаниях Германа Лопатина о Тургеневе: «Любопытно было бы почитать его дневник. Он должен быть в семье Виардо, если только они не продали его из жадности»¹⁹.

Таковы свидетельства самого Тургенева, а также людей его знавших, дающие основание утверждать, что на протяжении многих лет жизни, начиная с 1851 г. по 1882 г., писатель вел дневники, являющиеся откликами на события политические и литературные, а также содержащие интереснейшие записи личного характера. Дважды — в печатной статье и в письме к другу — Тургенев приводил цитаты из своих дневников за 1861 и 1877 гг. Но ни один из тургеновских дневников до сих пор в печати не известен.

II

1 ноября 1843 г. Тургенев познакомился с Полиной Виардо во время ее гастролей в Петербурге. О том, какое место заняла любовь к ней в ту пору его жизни, с полной ясностью свидетельствуют письма, которые он после длительного пребывания во Франции, возвратившись на родину, послал ей в дни семилетия их знакомства. Вот что Тургенев писал Полине Виардо 28 октября/9 ноября 1850 г.: «В будущий вторник исполнится семь лет с тех пор, как я в первый раз был у вас. И вот, мы остались друзьями и, мне кажется, хорошими друзьями. И мне радостно сказать вам по истечении семи лет, что я ничего не видел на свете лучше вас, что встретить вас на своем пути — было величайшим счастьем моей жизни, что моя преданность и благодарность вам не имеет границ и умрет только вместе со мною. Да благословит вас бог тысячу раз!

ТУРГЕНЕВ

Рисунок М. О. Микешина, 1874 г.

Театральный музей, Ленинград

Молю его об этом на коленях и сложив руки. Вы — всё, что есть самого лучшего, благородного и симпатичного на этом свете». В другом письме Тургенева от 1/13 ноября 1850 г. были такие строки: «Я ходил сегодня взглянуть на дом, где я впервые семь лет тому назад имел счастье говорить с вами. Дом этот находится на Невском, напротив Александринского театра; ваша квартира была на самом углу, — помните ли вы? Во всей моей жизни нет воспоминаний более дорогих, чем те, которые относятся к вам... Мне приятно ощущать в себе, после семи лет, всё то же глубокое, истинное, неизменное чувство, посвященное вам; сознание это действует на меня благотворительно и проникновенно, как яркий луч солнца; видно, мне суждено счастье, если я заслужил, чтобы отблеск вашей жизни смешивался с моей! Пока живу, буду стараться быть достойным такого счастья; я стал уважать себя с тех пор, как ношу в себе это сокровище. Вы знаете — то, что я вам говорю, правда, насколько может быть правдиво человеческое слово... Надеюсь, что вам доставит некоторое удовольствие чтение этих строк.. а теперь позвольте мне упасть к вашим ногам»²⁰.

Эти письма Тургенев отправил Полине Виардо, расставшись с ней несколько месяцев назад и совсем не думая, что разлука продлится целых шесть лет²¹. Поэтому с полным основанием можно предположить, что в недошедшем до нас дневни-

ке, который был начат писателем в 1851 г., значительное место занимали записи о его переживаниях, связанных с Полиной Виардо.

Целиком с ней была связана та рукопись автобиографического характера, созданная, возможно, на основе дневника Тургенева, о которой почти ничего неизвестно, кроме названия. «Жизнь для искусства» или «Всё для искусства» — так озаглавил писатель это свое творение, которое, очевидно по причинам сугубо личным, не напечатал он сам, не рискнула опубликовать Полина Виардо и ее дети. Если внуки не подвергли эту рукопись уничтожению, то до сих пор — спустя восемь десятилетий со дня смерти Тургенева и свыше полувека со дня смерти певицы — она продолжает оставаться утаенной.

Имеющиеся в печати сведения об этой рукописи сводятся к следующему.

Сразу же после кончины Полины Виардо 5/18 мая 1910 г. в Париже (она умерла на восемьдесят девятом году жизни) в русских газетах стали появляться заметки, в которых ставился вопрос о судьбе тургеневских рукописей. Вот что было написано в одной из таких заметок: «Какая участь постигнет теперь, после смерти Виардо, переписку Тургенева, его дневник, его рукописи, если они только сохранились, неоконченный роман, о котором давно ходили слухи среди близких Тургенева»²². А пять дней спустя в петербургской газете «Речь» была напечатана заметка по поводу неожиданно найденной в доме Полины Виардо рукописи Тургенева. Вот полный ее текст, носивший заглавие «Неизданная рукопись Тургенева»:

«В частном письме, полученном в Петербурге, родственник умершей Полины Виардо, Альфред Гарсиа, сообщил, что рукопись романа Тургенева, пропавшая и не опубликованная ни при жизни, ни после смерти автора, в настоящее время найдена в секретном столике Полины Виардо. Рукопись носит заглавие, „Жизнь для искусства“, роман в двух частях. Посвящена Полине Виардо и переписана рукою И. С. Тургенева. В рукописи не хватает трех листов из середины. К рукописи приложена записка Полины Виардо с просьбой не опубликовывать роман раньше десяти лет после ее смерти»²³. (Нет сомнения, что и во французской периодической прессе в то время появлялись аналогичные сообщения²⁴).

Приведенная заметка вызвала две статьи, — кстати сказать, в литературе о Тургеневе они не зарегистрированы. Обе принадлежат перу видных тогдашних журналистов.

«Роман Тургенева» — так озаглавил Сергей Яблоновский свою статью, написанную, если можно так выразиться, в сентиментально-слащавых тонах.

«В секретном столике покойной Полины Виардо найдена тургеневская рукопись. Тургеневский роман. И роман Тургенева. Роман, в котором он дважды был автором: и пережив и написав его. Чувствуете ли вы волнение при этом известии?» — так начинает Яблоновский свою статью, напечатанную на следующий день после появления заметки. Он трактует отношения Тургенева и Виардо в идиллическом духе, уверяя, что «никто никогда не знал, в чем, собственно, заключалась эта трогательная, единственная дружба между великим писателем и знаменитой артисткой». Называя эту любовь Тургенева «лучшей святыней его души», журналист пишет: «Об этой любви мы знаем из чудеснейшей поэмы, которая называется „Письма Тургенева к Полине Виардо“». И далее он доходит до такого ничем не оправданного заключения: «Книга писем Тургенева к Виардо — одна из лучших русских книг; она вся овеяна красотой и поэзией, она очищает и поднимает». Яблоновский чувствовал, что публикация некоторых тургеневских писем не обошлась без цензуры адресатки: «Но эти письма перед тем как быть напечатанными, подверглись строгому контролю той, к кому относились; многое оставалось недоговоренным; многое, лучшее и наиболее задушевное, вычеркнуто...». И только! Яблоновский даже не предполагает, что в отношениях Тургенева и Виардо могло быть хотя бы малейшее облачко, ему на ум не приходит, что в письмах Тургенева к ней содержалось и совсем другое. Касаясь «Жизни для искусства», журналист утверждает, что слухи об этом произведении, носящем автобиографический характер, ходили давно, и что через десять лет, когда Виардо разрешила его напечатать, «от старых пожелтевших листов на нас повеет весной, свежестью, молодостью — всем, чего так недостает нам»²⁵.

Printed, 19th-Aug 77.

• Michael - Guyon Lark's Longshore.

Абай сүмөчтүгү (С. Кемелов айткан)
Амсагылы Түмөн, Бакыт Кая:

My plans and means are subject to change

«Сверд мена какувѣхъ нѣмѣ» -

был, не, то есть, что было у него, а
что он, что он, что он? — Странно

Two sets of tables computed up to

Delphinella:

17. Шапша. Косово. Ветры с юго-запада.

11. *Ernst Henke und seine Freunde*

Уч-ся имеет весьма совершенно русифицированный.

«А у меня на груди невесты медная лентка...»
«Ах, невеста медная!.. а невестин медь!»

Best must be the, approximately 100, 100, 100.

«*губахъ, дыханіи? Сомнѣніи: нѣтъ базилъ*

• *Рухайся до нас нежно, нежно спускайся, нежно*

same month

re-Hemipylus natus: and you yndeo.

на гробови по мѣст рг-а въ 30-вого,
не много да не нолѣтаетъ - то въ м-

applied new findings. Research by Jack Sperlich

much better - in fact, the whole, the whole of the

исключая и исключая - как правило не выносятся!

[illegible]

24. worked nearly whole day

небольшой процент (около 1%)

Go back! present must appear as if red.

Count of the number of numbers; all the numbers are the same - a number.

Смелее работю и смелеехъ недремлю. Нова

the Supreme Dyke. - a no no-kind to read the

They need fresh markets - no more
subject to money, much & expenditure

cost reduced - no ad hair mount at

Сколько стоить за час работы. — 1 руб. 50 коп.

перман уличае мате кави 2 саоп.
мемор. бланкет - а д/в пош кулм.

Free Skinning & Remount

Speedwell Creek

Ed. Heymann

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА К Я. П. ПОЛОНСКОМУ ОТ 19/7 АПРЕЛЯ 1877 Г. С ВЫПИСКОЙ ИЗ ДНЕВНИКА ОТ 17/5 МАРТА ТОГО ЖЕ ГОДА

Автограф

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Более трезвой была статья другого литератора, появившаяся месяц спустя в той же газете. Повторив сообщение об обнаруженной после смерти Виардо в потайном ящике рукописи Тургенева, Д. В. Философов пишет: «Об отношениях Тургенева и Виардо мы знаем больше понаслышке. Весь пафос их, цвет, скрыт от нас до сих пор». Философов был прав в этом своем утверждении. Его слова в значительной степени остаются правильными и для наших дней. Считая, что отрывки из писем Тургенева и Виардо, опубликованные при ее жизни, «ничтожны, несущественны», Философов с полным основанием говорит: «Отношения Тургенева к Виардо были слишком глубоки и серьезны, чтобы о них можно было судить по „отрывкам“. Слишком мы уважаем Тургенева, чтобы довольствоваться крохами. Иль все, иль ничего. Однако приходится довольствоваться крохами». Далее Философов высказывает предположение, которое, как об этом свидетельствуют наши разыскания, является наиболее правильным: «Вероятно, вновь найденный роман Тургенева не столько роман, сколько дневник, тот именно дневник, из которого мы могли бы узнать „всё“. Через десять лет он будет напечатан. И на том спасибо. Ведь г-жа Виардо с таким же правом могла написать: „Прошу напечатать через сто лет после моей смерти“. И мы ждали бы сто лет. Сто лет еще нельзя было бы составить биографию Тургенева, потому что какая же возможна биография без подробного описания великой дружбы Тургенева и Виардо? И вот тут-то возникает вопрос: где предел целомудренному запрету вторгаться в частную жизнь писателя? Как соблюсти меру? И неужели же что-нибудь может запятнать имя Тургенева, набросить тень на его отношения к Виардо? Более того, сама г-жа Виардо, если и сохранит свое имя в истории, то скорее как друг Тургенева, а не как певица. Можно сколько угодно отделять писателя от человека. Но это лишь формалистика, особенно в России, где писателя любят и ценят именно как человека. Думается, здесь нет вторжения в частную жизнь. Здесь проявляется не нездоровое любопытство к интимной жизни, а желание любить всего человека, целиком, покрыть своею любовью не только его величие, но и его слабости, желание понять его до дна, вместить в сердце свое его страдание, горе, его счастье»²⁶.

Если бы Философов знал глубже биографию Тургенева, он мог бы свое предположение о том, что «Жизнь для искусства» — это «не столько роман, сколько дневник», подкрепить некоторыми доводами. Этого он не сделал, хотя был на правильном пути. Очень жаль, что Философов также ничего не сделал для того, чтобы получить более подробные сведения о рукописи Тургенева. Тогда, по свежим следам, сделать это было совсем нетрудно.

Теперь вернемся к той заметке, в которой впервые в России появились сведения о «Жизни для искусства». Факты, лежащие в основе заметки, не вызывают сомнений. Наследники Полины Виардо, безусловно, держали в руках эту рукопись, — ведь не было нужды придумывать ее название или сочинять, что она состоит из двух частей, а в середине не хватает трех листов! В таком вопросе начисто отсутствует смысл заниматься выдумкой, так как она ничего не может дать создателю подобной версии.

Для нас совершенно очевидно, что после смерти Полины Виардо обнаружилась неизвестная ранее тургеневская рукопись, которая если не являлась дневником писателя, то безусловно была автобиографическим произведением, созданным, как можно предположить, на дневниковой основе.

В позднейшие годы сведения об этой неизвестной рукописи с дополнительными данными неясного происхождения появились в немецких изданиях, где говорилось о Тургене́ве. Так, литературовед Клаус Дорнахер называет книгу Пауля Виглера (Paul Wiegler. *Geschichte der fremdsprachigen Weltliteratur**), вышедшую несколькими изданиями в 1914—1949 гг. Здесь об интересующей нас рукописи Тургенева сказано: «Неопубликованным остается его роман-исповедь „Всё для искусства“, в котором он говорит о Виардо и о самом себе. Краткое сообщение содержится и в книге Генриха Берля (Heinrich Berl. *Baden-Baden im Zeitalter der Romantik***). Выражая сожаление

* Пауль Виглер. История мировой иноязычной литературы. Мюнхен, 1949, стр. 534.

** Генрих Берль. Баден-Баден в эпоху романтики. Баден-Баден, 1936, стр. 181.

ПОЛИНА ВИАРДО

Акварель П. Ф. Соколова, 1853 г.

Под рисунком автографическая подпись Виардо, а в правом углу — пометка неустановленного лица (на французском языке): «14 января 1853 г. Отелло»

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

ние, что «Жизнь для искусства», — так он называет это творение Тургенева, — не издана на немецком языке, Берль пишет: «Как можно предположить, если роман этот и не был написан в Бадене, то действие его, в своей значительной части, разыгрывается именно здесь <...> Очень вероятно, что роман бросает свет на взаимоотношения трех, во многом очень странные: Виардо — Гарсия — Тургенев. Странными они останутся всегда. Была ли это лишь жизнь для искусства? Или что-то большее? Скажем прямо: меньшее!» Автор книги не поясняет своего утверждения, что в Бадене происходила «значительная часть» событий, о которых писал Тургенев в рукописи. Не комментирует это и Клаус Дорнахер, цитирующий Берля²⁷. Поэтому загадочность вокруг этого произведения Тургенева не только не рассеялась, но еще больше сгустилась. Никто из писавших об этой тургеневской рукописи не пытался выяснить, что ее породило, какие причины вызвали ее создание. Для ответа на эти вопросы нужно поставить рукопись в связь с дневниками Тургенева.

Шестилетнее пребывание в России явилось неким рубежом в отношениях Тургенева и Полины Виардо. После короткой встречи в марте 1853 г. в Москве во время ее последних гастролей в России их переписка почти прекращается. Всего два письма отправил ей Тургенев в апреле и в мае того года, и лишь в первом из них содержится фраза эмоционального характера: «Тысяча приветствий всем добрым друзьям. Вам же — вы знаете чувство, которое я посвятил вам и которое окончится только с моей жизнью» (письмо из Спасского от 17/29 апреля 1853 г.). Майское же письмо было последним не только в этом году — ни одного тургеневского письма к Полине Виардо мы не знаем на протяжении последующих лет пребывания писателя в России. Конечно, можно предположить, что до нашего времени эти письма не дошли или остаются нам неизвестными. Тогда, очевидно, существовала причина, заставившая адресатку не печатать эти письма.

Настроение писателя, когда он уезжал в Париж после шестилетней разлуки, отразили его письма: «...какая глупая вещь — потребность счастья — когда уже веры в счастье нет! Однако я надеюсь, всё это уgomонится — и я снова, хотя не вполне, приобрету то особенного рода спокойствие, исполненное внутреннего внимания и тихого движения, которое необходимо писателю — вообще художнику», — писал Тургенев из Спасского 9/21 мая 1856 г. Е. Е. Ламберт. Еще сильнее его переживания отразились в письме к О. А. Тургеновой, отправленном, когда выяснилось, что паспорт для отъезда за границу, наконец, может быть выдан: «Вы не удивитесь, если я вам скажу, что позволение уехать за границу мне особенной радости не доставило — и что я даже вообще нахожусь теперь в меланхолическом настроении духа» (письмо из Спасского от 29 мая/10 июня).

Откровенно делился Тургенев своими невеселыми мыслями в письме к Ламберт от 10/22 июня: «Позволение уехать за границу меня радует... и в то же время я не могу не сознаться, что лучше было бы для меня не ехать. В мои годы уехать за границу — значит: определить себя окончательно на цыганскую жизнь и бросить все помышленья о семейной жизни. Что делать! Видно такова моя судьба». Далее в этом преисполненном печали письме содержатся строки: «В жизни мужчины наступает — как и в жизни женщины — пора, когда более всего дорожишь отношениями тихими и прочными. Светлые осенние дни — самые прекрасные дни в году». Затем Тургенев снова возвращается к своим переживаниям, связанным с предстоящим отъездом за границу: «Я не рассчитываю более на счастье для себя, т. е. на счастье, в том опять-таки тревожном смысле, в котором оно принимается молодыми сердцами; нечего думать о цветах, когда пора цветения прошла <...> Как оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, больше ничего не делал, как гонялся за глупостями. Дон-Кихот, по крайней мере, верил в красоту своей Дульцинеи, а нашего времени Дон-Кихоты и видят, что их Дульцинея — урод — а всё бегут за нею». Это удивительное по своей откровенности письмо не требует комментариев, настолько оно явно связано с мыслями Тургенева о Виардо (кстати, художник А. П. Боголюбов, имея в виду только внешний облик Виардо, называл ее «безобразной красавицей»), об отношениях с ней, о том «чужом гнезде», к которому писатель через шесть лет снова возвращается.

Все эти глубоко тревожившие Тургенева интимные переживания были предметом его разговоров с самыми близкими друзьями, а затем — переписки с ними и с другими корреспондентами, которым он очень доверял.

Наиболее откровенные разговоры на эту тему Тургенев вел, по-видимому, с Некрасовым, — встречался он с ним часто в Петербурге начиная с конца 1853 г., когда получил от шефа жандармов А. Ф. Орлова «объявление <...> свободы и позволение въезжать в столицы» ²⁸. Прямым откликом на эти беседы было письмо Некрасова от 15 июня 1856 г., отправленное им еще до отъезда Тургенева в Париж:

«За границу едем, но, думая о тебе, что-то невольно вспоминаю стихи:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой,
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой.

Эх, голубчик! Мало, что ли, тебя поломало? И каково будет уезжать? Ну, да это не мое дело. Ничего не смею говорить, потому что сам бы на твоём месте поехал» ²⁹.

В другом письме, которое Некрасов послал 18/30 декабря 1856 г. из Рима в ответ на недошедшее до нас письмо Тургенева, написанное после трех с половиной месяцев, проведенных с семьей Виардо, имеются такие строки: «Жаль мне тебя, Тургенев, но посоветовать ничего не умею. Знаю я, что значит взволнованное бездействие — всё понимаю. Оба мы равно жалки в этом отношении» ³⁰.

Неожиданно откровенно письмо Тургенева к Л. Н. Толстому, относящееся к тем же неделям, — они не были особенно близки. 8/20 декабря 1856 г. Тургенев писал ему из Парижа: «Я уже слишком стар, чтобы не иметь гнезда, чтобы не сидеть дома. Весной я непременно вернусь в Россию, хотя вместе с отъездом отсюда — я должен буду проститься с последней мечтой о так называемом счастье — или, говоря яснее — с мечтой о веселости, происходящей от чувства удовлетворения в жизненном устройстве. Это „яснее“ вышло очень длинно и, может быть, не совсем ясно, — но оно так. Что ж тут прикажете делать!»

Ответное письмо Толстого не сохранилось, но, судя по его дневниковой записи, оно было им отправлено 21 декабря 1856 г./2 января 1857 г. Здесь были строки, касавшиеся слухов о женитьбе Тургенева на Полине Виардо. Вот как на это ответил Тургенев 3/15 января из Парижа: «...что за нелепые слухи распространяются у вас! Муж её здоров как нельзя лучше, и я столь же далек от свадьбы — сколь, например, — вы. Но я люблю её больше, чем когда-либо, и больше, чем кого-нибудь на свете. Это верно».

Признание Тургенева было, конечно, продиктовано теми трудными отношениями, которые сложились у него с Виардо. Они доводили его до крайних решений. «Я хандрю — потому что болен и ничего не делаю. Я вылечусь только тогда, когда брошу Париж. А брошу я его через месяц — и покачу в Англию, в Лондон, к тебе. Авось там я поправлюсь. А оттуда в Россию, и засяду там на веки веков», — писал Тургенев 16/28 февраля 1857 г. из Парижа Герцену. А на следующий день Тургенев отправил Боткину то цитированное нами в начале статьи письмо, в котором говорил об уничтожении своих рукописей: «Я постоянно чувствую себя сором, который забыли вымести <...> Авось это пройдет, когда я брошу Париж». Как крик души звучат эти глубоко горестные слова Тургенева. И далее, называя себя «отравленным», он говорил другу: «Увидимся, многое расскажу — а писать не хочется». Речь, конечно, идет о переживаниях Тургенева, связанных с Полиной Виардо. И ведь именно они приводили его к упорному решению бросить Париж, в который Тургенев после шестилетнего отсутствия вернулся всего лишь полгода назад.

Но несмотря на тяжелые испытания, чувство к Виардо не только его не покидало, но оно еще больше углублялось. Вот что Некрасов, приехав весной 1857 г. в Париж и встречаясь там с Тургеневым, писал Толстому: «На днях мы как-то заговорили о любви — он <Тургенев> мне сказал: „Я так и теперь еще, через 15 лет, люблю эту женщину, что готов по ее приказанию плясать на крыше, нагишом, выкрашенный желтой краской!“ Это было сказано так невзначай и искренно, что у меня любви к нему прибавилось» ³¹.

Отзвук их разговоров на ту же тему слышится в том письме, которое Некрасов, вернувшись в Россию, отправил Тургеневу в Зинциг: «Я ужасно рад, что ты чувствуешь желание работать, рад за тебя. Но смотри — обдумай, ехать ли тебе в Париж. Вспомни, как ты трудно отрывался, и знай еще, что есть предел всякой силе. Право, и у меня ее было довольно. Никогда я не думал, что так сломлюсь душевно, а сломился. Не желаю тебе ничего подобного. Конечно, ты от этого далек, но все не худо вовремя взяться за ум. Горе, стыд, тьма и безумие — этими словами я еще не совсем полно обозначу мое душевное состояние, а как я его себе устроил? Я вздумал шутить с огнем и пошутил через меру. Год тому назад было еще ничего — я мог спастись, а теперь... — Приезжай сюда, не заезжая в Париж»³². Некрасов в это время переживал свою личную драму — его отношения с А. Я. Панаевой зашли в тупик. В следующем письме, посланном через две недели, Некрасов снова убеждал Тургенева: «Пиши Толстому, чтоб присылал что-нибудь; в тебе я не сомневаюсь; если не заедешь в Париж, то сделаешь что-нибудь, а если заедешь, то сделаешь великую глупость»³³. Но совет Некрасова приехать на родину Тургенев выполнил лишь год спустя.

А на увещевания Некрасова порвать отношения с Полиной Виардо Тургенев ответил 12/24 августа 1857 г. письмом из ее дома в Куртавнеле: «Ты видишь, что я здесь, т. е., что я сделал именно ту глупость, от которой ты предостерегал меня... Но поступить иначе было невозможно. Впрочем, результатом этой глупости будет, вероятно, то, что я раньше приеду в Петербург, чем предполагал. Нет, уж точно: „Этак жить нельзя“. Полно сидеть на краюшке чужого гнезда. Своего нет — ну и не надо никакого».

Еще с большей силой это чувство неудавшейся личной жизни выражено в письме Тургенева к Толстому от 27 марта/8 апреля 1858 г.: «Эх, любезный Толстой, если бы вы знали, как мне тяжело и грустно! Берите пример с меня: не дайте проскользнуть жизни между пальцев — и сохрани вас бог испытать следующего рода опущение: жизнь прошла и в то же самое время вы чувствуете, что она не начиналась, — и впереди у вас неопределенность молодости со всей бесплодной пустотой старости. Как вам поступить, чтобы не попасть в такую беду — не знаю; да, может быть, вам вовсе и не суждено попасть в эту беду. Примите по крайней мере мое искреннее желание правильного счастья и правильной жизни. Это вам желает человек глубоко — и заслуженно — несчастный».

Ни в каком другом письме Тургенев не выразил с такой болью и силой своей душевной тоски по «правильному счастью и правильной жизни», которое он так и не обрел не только на сороковом году жизни, когда эти слова были написаны, но и до конца дней.

В чем же причина всех таких глубоко пессимистических высказываний Тургенева о том, что еще несколько лет назад было ему так дорого? Почему с такой неохотой не смотря на весьма продолжительный перерыв он возвращался в родной ему, казалось, дом Виардо? Откуда эта упорная мысль, которая все время звучит в его тогдашних письмах: «мне совсем не следовало выезжать за границу» (из письма к Толстому от 17/29 января 1858 г.). Отчего возникли все эти трагические переживания? Почему именно тогда с такой остротой стал перед Тургеневым вопрос о бессмысленности сидения «на краюшке чужого гнезда»?

Всем этим настроениям, еще тогда, когда Тургенев был в России, предшествовали какие-то тревожные для него вести из-за рубежа. Поэтому он возвращался в Париж с опаской, понимая, что многое там для него изменилось. А изменилось прежде всего потому, что до него вполне могли дойти сведения об увлечении Полины Виардо принцем Баденским. Об этом подробно рассказывает в своих воспоминаниях А. П. Боголюбов, ссылаясь на беседу с Анненковым. Боголюбов далее говорит: «Перерыв этот был тяжелым испытанием для Тургенева, но через два года их отношения снова восстановились и уже не прерывались до конца жизни»³⁴. И хотя в сообщении Боголюбова содержатся некоторые неточности, то, что говорится о Полине Виардо, вполне могло соответствовать действительности. Теперь делается понятным имеющееся в книге Генриха Берля утверждение о том, что действие «Жизни для искусства» в значительной степени происходило в Баден-Бадене.

Утверждение Боголюбова, будто «через два года их отношения снова восстановились», неверно. Именно через два года Тургенев сообщал Ламберт: «Я пишу вам из замка (château) г-жи Виардо: имя ему Courtavenel — он находится верстах в пятидесяти от Парижа. — Я недавно возвратился из Виши, где с большим успехом пил воды. Здоровье мое хорошо; но душа моя грустна. Кругом меня правильная семейная жизнь... для чего я тут, и зачем, уже отходя прочь от всего мне дорогого, — зачем обращать взоры назад? Вы поймете легко, и что я хочу сказать, и мое положение.

ТУРГЕНЕВ

Портрет маслом И. П. Похитонова
Третьяковская галерея, Москва

Впрочем, тревоги во мне нет; говорят: человек несколько раз умирает перед своей смертью... Я знаю, что во мне умерло; для чего же стоять и глядеть на закрытый гроб? Не чувство во мне умерло; нет... но возможность его осуществления» (из письма от середины июля с. с. 1859 г.).

Те же свои мысли Тургенев поведал М. А. Маркович (Марко Вовчок): «Нет счастья вне семьи — и вне родины; каждый сиди на своем гнезде и пускай корни в родную землю... Что лепиться к краешку чужого гнезда? — Когда-нибудь поговорим» (письмо от 10/22 июля 1859 г.).

О пережитой им во второй половине 50-х годов драме и писал, по-видимому, подробно Тургенев в дневнике. Может быть, сюда вошли и неотправленные письма к Виардо, которые он заносил в свой дневник, когда чувство ревности тесно сплелось с ощущением беспросветного одиночества? А оттуда та же тема в каком-то виде могла перекочевать в рукопись «Жизнь для искусства». То был, мы предполагаем, плод глубоких разду-

мий Тургенева о своей личной жизни, о тягостных переживаниях, выпавших в те годы на его долю. Закономерность нашего предположения о содержании «Жизни для искусства», быть может, косвенно подтверждают цитированные слова Некрасова «взволнованном бездействии», обращенные к Тургеневу. Находясь в этом состоянии, Тургенев мог лишь писать дневники, а не отдаваться творчеству. Нельзя не вспомнить приведенные нами слова Тургенева в беседе с Павловским о необходимости для писателя в любых обстоятельствах не бросать пера: «... ну вот, например, случилось с тобой большое горе,— сядишь и запиши: то-то и то-то случилось, то-то, то-то испытываю. Горе пройдет, а превосходная страница останется; иногда такая страница может сделаться ядром большого творения, которое будет художественно потому, что правдиво, потому, что живьем вырвано из жизни». Можно подумать, что когда Тургенев говорил это Павловскому, он имел в виду то горе, которое принесла ему Полина Виардо, и его возможный результат, дневниковые записи, а затем и произведение «Жизнь для искусства».

К большому сожалению, рукопись «Жизнь для искусства» до сих пор не обнаружена. Три года назад в печати было указание на то, что, по сведениям, имеющимся в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле, сообщение о находке этой рукописи и о возможных перспективах ее опубликования появилось в «Journal de Genève»³⁵. Но сообщение это не подтвердилось. В полученном нами письме от 15 марта 1963 г. от одного из редакторов этой газеты г. Вадье сказано: «Я очень внимательно просмотрел от первой до последней все литературные страницы, опубликованные нами с 1951 года. Ни одной статьи о Тургеневе <...> Я расспросил всех своих коллег и всех сотрудников, в большей или меньшей мере имевших отношение к вопросам русской литературы на столбцах нашей газеты. Но все качают головой. „Невозможно,— говорят они.— Это бы сразу бросилось в глаза“». Правда, в письме отмечается, что сообщение в газете об этой неизданной тургеневской рукописи, быть может, относится «к очень отдаленному времени». Жалуясь на то, что данные для поисков, которые были ему присланы, «слишком расплывчаты и скудны», г. Вадье пишет: «Это то же самое, что искать кусок сахара в Индийском океане». Завершается письмо из «Journal de Genève» словами: «Поверьте, что я в отчаянии. Я был бы горд найти что-нибудь определенное и конкретное <...> Прошу вас верить, что я принял очень близко к сердцу эту интереснейшую, проклятую историю».

Хочется надеяться, что все же «Жизнь для искусства» будет обнаружена, и мы тогда познакомимся, быть может, с наиболее значительной частью дневника Тургенева, с его трагической исповедью.

III

На протяжении многих лет А. М. Ремизов, живший с 1924 г. в Париже, хранил небольшую рукопись. Он дорожил ею, так как считал, что это автограф дневника Тургенева. Незадолго до смерти (скончался Ремизов в 1957 г.) он подарил своей ученице, писательнице Наталье Владимировне Кодрянской³⁶ эту рукопись и завещал ее напечатать. Но сведущие люди, которым Н. В. Кодрянская показывала рукопись, говорили, что она не является автографом Тургенева, да к тому же вообще никакого отношения к нему не имеет. В 1961 г. в разговоре с нами Наталья Владимировна, узнав о подготовке тома «Из парижского архива И. С. Тургенева», рассказала о загадочной рукописи, предупредив, что вряд ли это автограф Тургенева. По нашей просьбе Кодрянская прислала фотографию первой страницы рукописи. Ознакомившись с ней, мы пришли к выводу, что снимок сделан с копии подлинного дневника Тургенева. Еще более мы утвердились в этом мнении, получив фотографии остальных страниц, а затем и самую рукопись. Теперь с категоричностью можно было утверждать, что это копия того дневника, который Тургенев вел с 27 ноября/9 декабря 1882 по 17/29 января 1883 г. Единственное огорчение, которое принесло ознакомление с этой рукописью, состояло в том, что в ней были пропуски, а некоторые слова оказались явно неточно и даже неверно прочитанными,— значит переписчик кое-что совсем не мог разобрать или разобрал ошибочно. Но где же находится подлинник этих записей Тургенева? Ларчик, к счастью,

открылся весьма просто: никто не обратил внимания на то, что автограф этого дневника находится в числе бумаг Тургенева, описание которых было дано еще в 1930 г. профессором Андре Мазоном в его весьма ценной книге «Manuscripts parisiens d'Ivan Tourguéneff». Здесь на 103-й странице в разделе «Биографические документы» указан дневник Тургенева за те самые числа, которые обозначены на полученной нами копии; в оригинале восемь листиков, вырванных из маленькой записной книжки. В заключение описания сказано: «Этот фрагмент вскоре будет объектом специальной публикации». С того времени прошла треть века, но рукопись так и не была опубликована.

В начале 1950-х гг. все бумаги Тургенева, описанные в книге Андре Мазона и ранее принадлежавшие потомкам Полины Виардо, поступили в парижскую Национальную библиотеку. Ныне это — наиболее значительный во всем мире фонд тургеневских рукописей. Благодаря любезности профессора Андре Мазона мы получили фотографии интересующего нас документа. Копия, попавшая к А. М. Ремизову, по всем данным, сделана еще в начале века, когда рукопись дневника находилась у Полины Виардо или у ее детей.

Итак, перед нами страницы из дневника Тургенева — единственное, что пока дошло до нас из всей массы некогда существовавших его дневников, которые он вел, вероятно с перерывами, в течение трети века. Эти записи, которые впервые становятся достоянием печати, охватывают месяц и три недели, причем сделаны они были на протяжении всего лишь шести дней жизни писателя — дней его угасания, когда он сам называл себя полумертвым. Публикуемый дневник свидетельствует, как интенсивно интересовался и тогда Тургенев новостями политическими и литературными, уделяя время для встреч с друзьями и знакомыми, как настойчиво, быть может через силу, он вел беседы с ними.

Хочется обратить внимание на первую фразу публикуемого дневника: «Итак — несмотря на предчувствие, я начинаю новую книжку». Значит, совсем недавно, вероятно, всего несколько дней назад, как можно заключить из дальнейших слов, Тургенев кончил записи в предыдущей «книжке», — в тетради, которая предшествовала этой. Где сейчас та тетрадь, — неизвестно ³⁷.

Страницы «новой книжки», быть может последней, заполнены сообщениями о событиях и мыслях, которыми Тургенев жил в те дни. Это прежде всего его собственные литературные дела. Как раз в эти недели в последней книжке «Вестника Европы» за 1882 г. и в первой за следующий год появились «Стихотворения в прозе» и повесть «Клара Милич». Писателя интересует «мнение публики и критики». Ему приятно, что стихотворения имели успех. Особенно порадовало Тургенева «одобрение Льва Толстого». С чувством удовлетворения он записывает, что «здесь» — в Париже — понравился перевод части того же цикла, появившийся в «Revue politique et littéraire», а также, что «Стихотворения в прозе» переводят на итальянский, чешский, немецкий языки. Тургенев следит за печатными отзывами о его новых произведениях. Прочитав положительные рецензии на «Клару Милич», он записывает: «Даже Суворин в „Новом времени“ расхвалил».

Так же, как и на протяжении всей своей жизни, Тургенев продолжает помогать молодым литераторам, — некоторые из них были вынуждены покинуть родину и жили в Париже в большой нужде. Тургенева волнует болезнь молодой писательницы Л. Я. Стечкиной, которой он помогает уехать лечиться в Италию, его заботят семейные дела журналиста И. Я. Павловского.

Следует особо подчеркнуть: записи дневника свидетельствуют о том, что к Тургеневу тянутся участники русского революционного движения, бежавшие из мест заключения или опасавшиеся ареста; некоторые стремятся получить за границей высшее образование, заняться литературной деятельностью, другие просят материальной поддержки. И Тургенев всем помогает: пишет предисловие к рассказу И. Я. Павловского; Н. П. Цакни, нуждающемуся в заработке, дает работу — поручает ему перевод романа Мопассана для «Вестника Европы»; хлопочет о появлении в печати повести Н. И. Паевского; содействует тому, чтобы беллетристические произведения А. Н. Луканиной были опубликованы в России; встречается с Н. К. Скворцовой-Михайловской, которая в начале 70-х годов входила в кружок чайковцев («очень интересная девица,

врача», — записано о ней в дневнике); не раз, видимо, Тургенев оказывает материальную помощь больному туберкулезом В. Я. Мейеру, осужденному по процессу 193-х и сумевшему скрыться за границу. Таким образом, в дневнике упомянуты шесть русских революционеров, приходивших к Тургеневу в те недели. Весьма возможно, что тогда же у него побывали и другие, встречи с которыми почему-либо в дневнике не были отмечены. А о знакомстве и беседах в начале 1882 г. еще с одним молодым революционером — Л. К. Бухом говорит рекомендательная записка Тургенева, адресованная В. В. Верещагину³⁸. С большой душевной теплотой Тургенев помогал в том же 1882 г. другому молодому революционеру — И. Л. Шполянскому³⁹. Немного раньше ценные услуги Тургенев оказывал таким участникам революционного движения семидесятых годов, как А. И. Воронцова, В. В. Луцкий, С. М. Клячко⁴⁰. С полным основанием утверждая, что Тургенев «помогал деньгами многим из молодежи, вынужденной покинуть Россию и проживать в Париже <...> на нигилищем положении», В. В. Верещагин все же говорит лишь об одном виде поддержки, на протяжении многих лет оказываемой Тургеневым молодым революционерам⁴¹. Да и сам Тургенев был готов считать, что его помощь этим людям, попавшим за границу в тяжелое положение, ограничивается лишь предоставлением материальных средств. Вот что, например, он писал по этому поводу 22 января 1879 г. Г. О. Гинцбургу: «Вы знаете, что ко мне ходит множество молодых нуждающихся русских; они просят работы, места — но почти всегда дело кончается тем, что приходится им выдать посильные деньги»⁴². В действительности же поддержка Тургенева редко сводилась только к этому и сейчас даже трудно представить себе, насколько она была многосторонней. Писатель М. О. Ашкинази, с 1879 г. встречавшийся с Тургеневым в Париже, приводит в своих воспоминаниях следующие его слова: «Наша молодежь — святая молодежь. Это все мученики какие-то... Я не одобряю убийств, но наших революционеров, которые идут в деревню, как агнцы на заклание, Третье отделение своим изуверством превращает в отчаянных, способных на всякие злодеяния... Все наши политические преступления — результат жестокости шефа жандармов»⁴³. И дело доходило до того, что Тургенев неоднократно обращался с письменными ходатайствами к министру внутренних дел М. Т. Лорис-Меликову и шефу жандармов А. Р. Дренгельну по поводу ряда лиц, оказавшихся за рубежом⁴⁴. Мы не касаемся уже давних связей Тургенева с революционерами П. Л. Лавровым, Г. А. Лопатыным, С. М. Степняком-Кравчинским, Н. В. Чайковским, П. А. Кропоткиным, о его помощи эмигрантам М. П. Драгоманову, А. М. Кулешовой-Розенштейн, М. О. Ашкинази, В. Ф. Гинтовту-Дзевалтовскому.

Записи в дневнике распыряют таким образом ранее известные сведения об общении Тургенева с деятелями русского революционного движения⁴⁵.

Тургенев находит время для встреч с художниками, — в этом ощущается большая любовь к изобразительному искусству, никогда его не покидавшая. Дважды И. П. Похитонов привозит свои новые работы, и они охарактеризованы в дневнике словом «прелесть», а о начале художником портрета Тургенева записано: «необыкновенно выходит удачно и похоже. Этот — мастер!» Другой тургеневский портрет в те же дни выполнил Э. К. Липгарт для готовившегося собрания сочинений в издании Глазунова. В дневнике есть запись и о гравюре И. П. Пожалостине. С душевной теплотой Тургенев пишет об «отличных иллюстрациях» В. М. Васнецова и В. И. Сурикова к его рассказу «Перепелка» и к рассказу Толстого «Чем люди живы», выпущенным тогда в Петербурге отдельным сборником в «прекрасном издании», по отзыву Тургенева.

Судя по дневнику Тургенева, в те же дни, кроме многих русских знакомых, его навещали видные зарубежные писатели и политические деятели. Он прослушал только что законченный Мопассаном роман «Жизнь», который в дневнике назвал «замечательным»; Эмиль Ожье познакомил его со своей новой пьесой. В один день с болгарским революционером Плевако, к фамилии которого в дневнике прибавлены слова «любопытная фигура», у Тургенева побывал французский прогрессивный историк и публицист Анри Мартен.⁴⁶ Видный филолог Гастон Парис вносит по просьбе Тургенева исправления в перевод на французский язык «Стихотворений в прозе»; большое удовольствие, безусловно, доставила писателю беседа с историком искусства Ипполитом Тэнном;

бывшего заместителя государственного секретаря США Джона Хей, посетившего его, Тургенев назвал в дневнике «очень интересный американец».

Тургенев продолжает следить за жизнью на родине, постоянно думает о ней: «В России — упадок торговли (особенно хлебной), упадок финансов, студенческие беспорядки». Он находит гневные слова, чтобы заклеить реакционную политику

ИЛЛЮСТРАЦИЯ В. И. СУРИКОВА К РАССКАЗУ ТУРГЕНЕВА «ПЕРЕПЕЛКА»

Из книги: «Рассказы для детей И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого». СПб., 1883

Местонахождение оригинала неизвестно

«„Перепелку“ мою напечатали в прекрасном издании „Рассказов для детей Л. Н. Толстого“ <...> с отличными иллюстрациями Васнецова и Сурикова»

Из дневника Тургенева от 27/15 января 1883 г.

царизма, душившего живое слово и отправлявшего в ссылку своих противников: «У нас в России всё мрачней и мрачней. Феоктистова (этого архимерзавца!) сделали начальником над печатью. — Михайловского и Шелгунова выслали». Живший в то время в Париже великий князь Константин Николаевич, хотя и посетил тогда Тургенева и «рассыпался в любезностях», в дневнике аттестуется кратко и выразительно: «Но какая, в сущности, ничтожность!»

Всего четыре раза Тургенев выезжал из дома за семь недель, которые получили отражение в дневнике. Дважды он был в кружке русских художников и во второй приезд — под Новый год — даже выступил на литературно-музыкальном вечере, прочитав несколько «Стихотворений в прозе». Тургенев счел нужным посетить восьмидесятилетнему А. М. Горчакову, бывшего министра иностранных дел и канцлера.

Тургенев отмечает в дневнике, что «ездил смотреть» похороны Леона Гамбетты, видного политического деятеля Франции. В этот день он отправился к своим друзьям, жившим на улице Риволи, и из окна их дома «присутствовал» на похоронах. «Ничего подобного я в жизни не видывал» — гласит запись в дневнике.

Все перечисленное, наряду со многим другим, Тургенев отмечает в дневнике перемежку с записями о болезни и связанной с ней операции. Если учесть, что в эти семь недель у Тургенева было немало дел и впечатлений как личного, так и литературного характера, которые не отражены в дневнике (в частности, он отправил около сорока писем, получив, вероятно, вдвое больше), — то у нас появится некоторое представление о том, насколько насыщенной была жизнь писателя даже в то время, когда она приносила ему столько физических страданий и подходила к концу.

Особое значение публикуемого здесь дневника Тургенева состоит в том, что впервые мы получаем возможность в какой-то степени узнать, что же представляли собой те дневники, которым писатель уделял, по-видимому, столько времени и столько душевного внимания, предположить их размах и масштаб. Мы имеем в виду дневники, которые он вел в предыдущие десятилетия.

* * *

Познакомившись с последним дневником Тургенева, можно с уверенностью предположить, что его дневники 50-х, 60-х и 70-х годов были необычайно богаты по содержанию. В них, конечно, находился не только первоклассный материал для творческой биографии писателя и для изучения его произведений, который так расширил бы наши знания о нем. Можно не сомневаться, что дневники содержали множество интереснейших данных о литературной и политической жизни России и Западной Европы. И, безусловно, в них Тургенев запечатлел свои переживания, свои чувства к Полине Виардо, приносившие ему не раз тяжелые страдания. Все это, быть может, отразилось в «Жизни для искусства», в основу которой он, как нам представляется, мог положить свои дневники.

Хочется надеяться, что первая публикация небольшого фрагмента дневника Тургенева явится началом выявления и опубликования других, более значительных частей этого пока еще неведомого раздела литературного наследия великого писателя. Как жаль, что после смерти Тургенева никто из друзей и исследователей его творчества не обратил внимание на то, что в его бумагах должны быть дневники. Ведь сам писатель привел отрывок из дневника за 1861 г. в статье «По поводу „Отцов и детей“», которая была широко известна, а в его письмах к Полонскому и к Григоровичу, опубликованных в 1884 г. в «Первом собрании писем», в одном случае Тургенев цитировал отрывок из дневника за 1877 г., в другом указывал, что предназначает дневник к уничтожению. Но никто не поставил вопроса о том, что дневник мог уцелеть, не предпринял его поисков. Тогда, восемьдесят лет назад, по свежим следам, можно было установить судьбу дневников, и ту их часть, которая не была уничтожена, уберечь от гибели.

В первую очередь, конечно, есть надежда отыскать рукопись «Жизни для искусства», которую пощадили и не уничтожили и Тургенев и Полина Виардо. Ведь эта рукопись канула в неизвестность лишь в 1910 г. И поскольку прямых потомков Полины Виардо — внуков, правнуков и праправнуков — живет за рубежом множество, следовало бы приняться за тщательные поиски «Жизни для искусства». Надеемся, что такие розыски если уже не предприняли, то обязательно предпримут авторы двух книг о выдающейся певице, которые пишутся во Франции и в Англии. Трудно предположить, что эти авторы смогут дать объективную картину отношений Тургенева и Полины Виардо, не попытавшись обнаружить дневники Тургенева и его рукопись «Жизнь для искусства». Ведь в книге о Полине Виардо тема ее отношений с Тургеневым должна занять немалое место!

Дневники Тургенева — неотъемлемая часть его литературного наследия. Нужно сделать все возможное, чтобы, наконец, были выявлены и обнародованы те тетради, которые не подверглись уничтожению.

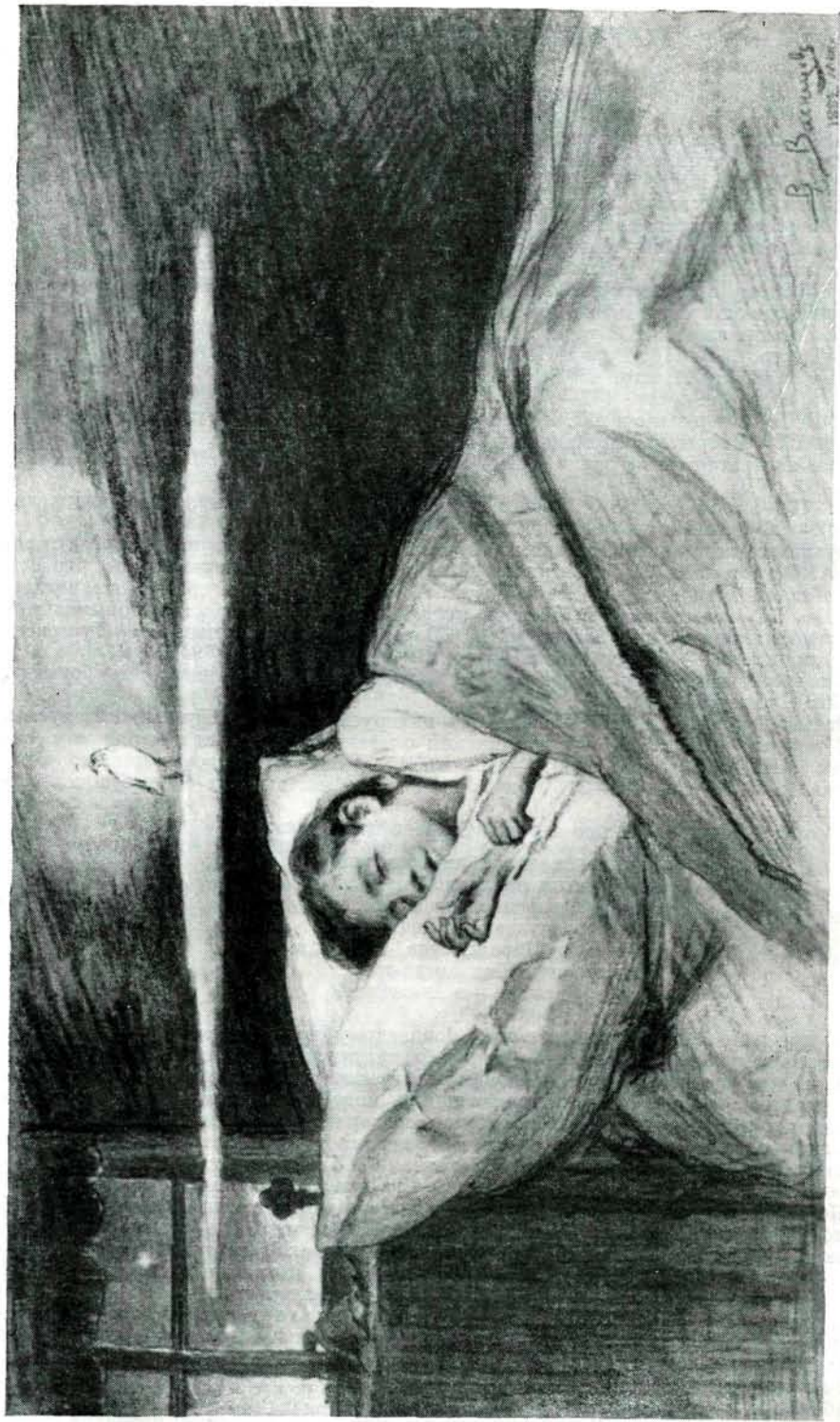

ИЛЛЮСТРАЦИЯ В. М. ВАСНЕЦОВА К РАССКАЗУ ТУРГЕНЕВА «ПЕРЕПЕЛКА»
Из книги «Рассказы для детей И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого», СПб., 1883
Местонахождение оригинала неизвестно

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дневниковый характер носят четыре известных «Скорбных листа» Тургенева, которые он, под таким заглавием, вел со 2 августа (н. с.) по 25 октября (н. с.) 1882 г. (см. М а з о н, р. 176—187). Это своеобразная история болезни Тургенева, причинившей невыносимые физические страдания и вскоре приведшей его к смерти. В этих «Скорбных листах» нет ни единого слова на литературные и общественные темы. Поэтому нельзя считать их дневником в обычном понимании этого слова.

² См. выше, стр. 345 (воспроизведение листа автографа с этой записью см. на стр. 369).— Этому предшествуют слова: «Новый год в Москве». Но такого рода словами о том, где он провел день Нового года, Тургенев неизменно начинал каждую запись в «Мемориале» с 1833 года.

³ БИТ, стр. 114—116; Тург АН. Письма, т. III, стр. 91—92 и 496.

⁴ Соч. 1930, т. XI, стр. 460 и 463.

⁵ Т. в восп. рев., стр. 147—148.

⁶ В. П. Б а т у р и н с к и й. К биографии Тургенева.— «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 70.— Впервые воспоминания Бойсенеа под названием «A visit to Tourguéneff» были напечатаны в журнале «The Galaxy» (New York), April 1874, vol. XVII, р. 456—466.

⁷ И. П а в л о в с к и й). Воспоминания об И. С. Тургеневе. (Из записок литератора).— «Русский курьер», 1884, № 150, 2 июня.

Безусловно, этот самый «дневник Базарова» Тургенев имел в виду, когда говорил Н. А. Островской: «Лицо Базарова до такой степени меня мучило, что, бывало, сяду я обедать, а он тут передо мной торчит; говорю с кем-нибудь,— а сам приду-мываю: что бы сказал Базаров на моем месте? У меня есть вот какая большая тетрадь предполагаемых разговоров à la Базаров».— «Воспоминания о Тургеневе Н. А. Островской».— «Тургеневский сборник». <Пг., 1915>, стр. 79.

⁸ «Воспоминания о Тургеневе Н. А. Островской».— «Тургеневский сборник». <Пг., 1915>, стр. 113—114.

⁹ Письмо Тургенева к Я. П. Полонскому цитируем по автографу, хранящемуся в ИРЛИ, так как и во второй его публикации оказались пропуски и неточности (см. «Звенья», VIII, 1950, стр. 208).— При жизни Полины Виардо это письмо было напечатано в ПСП (стр. 315—316) с купюрами в тех местах, где были отзывы Тургенева о ней.

Имеются в виду следующие строки «Старого послания»:

В окно глядит и лезет в очи
Сырая мгла плаксивой ночи...
Осенней вьюги слышен вой...
И вот, разнузданной мечтой
Я мчусь в Париж, туда, где свято
Впервые я любил когда-то
И был блажен — в последний раз!

В следующем письме, отправленном Полонскому [через неделю, Тургенев снова вернулся к этому стихотворению: «Умоляю тебя, как друга, не печатать твоего послания ко мне; — уже теперь мое имя не появляется в печати иначе, как сопровождаемое нареканиями и насмешками — зачем же давать повод всем моим недоброжелателям присоединить к моему имени другое, которое мне гораздо дороже моего собственного — и дать пищу всяким сплетням и грязным намекам? Я уверен, что ты меня поймешь и уважишь мою просьбу» (письмо от 14/26 апреля 1877 г.). А спустя несколько дней — 20 апреля/2 мая — Тургенев написал по тому же поводу Полонскому: «Любезнейший Яков Петрович, Наполеон говаривал — qu'il ne faut pas laver son linge sale en famille* — точно так же не следует показывать даже другу свои тайные раны. — Я каюсь и извиняюсь. — Меня потряс контраст между твоей поэтической картиной и действительностью. — Особенно мне следовало воздержаться при мысли, что письмо мое было адресовано человеку, у которого собственного, действительного горя и страдания вдоволь. — Но довольно об этом: я ограничусь только уверением, что то настроение духа во мне не возникло вследствие последних неприятностей — а существует уже весьма давно — чуть ли не с самой молодости. Но отлагаю все до нашего свидания, которое имеет быть скоро, так как я через неделю выезжаю отсюда» (ПСП, стр. 316—317).

Все же через два года Полонский напечатал это стихотворение, прибавив к уже известному названию «Старое послание» имя адресата: «Ивану Сергеевичу Тургеневу» («Огонек», 1879, № 24, стр. 496). В собраниях произведений Полонского печатается под заглавием «И. С. Тургеневу».

¹⁰ ПСП, стр. 423.

¹¹ Там же, стр. 522.

* не следует стирать свое грязное белье при домашних (франц.).

¹² Цитируем по автографу, хранящемуся в ГПБ; без даты: Б. Ч(и в и л е в). Отрывочные воспоминания о Тургеневе. — «Русские ведомости», 1883, № 270, 2 октября.

В своей содержательной статье «Письма И. С. Тургенева» М. П. Алексеев привел некоторые из свидетельств писателя о дневниках, которые тот вел в 70-х годах. — Тург АН. Письма, т. I, стр. 33.

¹³ Письма к Пичу, стр. 219. — Вряд ли слова Тургенева о «листочках из дневника» имеют отношение к дневнику Клары Милич, упоминаемому в тринадцатой главе повести.

¹⁴ «Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь». Составлен А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой, т. II. М., 1931. Семидесятые годы, вып. 3, стб. 1131—1132.

¹⁵ И. П(а в л о в с к и й). Воспоминания об И. С. Тургеневе. (Из записок литератора). — «Русский курьер», 1884, № 199, 21 июля. — Курсив наш. — И. 3.

¹⁶ I. P a v l o v s k y. Souvenirs sur Tourguéneff. Paris, 1887, pp. 168—169 и 170.

¹⁷ Н. К—ко. Полина Виардо. — «Русское слово», 1910, № 107, 12 мая.

¹⁸ И. Я к о в л е в (Павловский). Из парижской жизни. — «Новое время», 1910, № 12271, 12 мая. — В этой статье Павловский снова упоминает о дневнике Тургенева.

¹⁹ Т. в восп. рев., стр. 136.

О дневнике Тургенева упоминает также П. Л. Лавров в своей статье, посвященной писателю и напечатанной через несколько месяцев после его смерти: «Если в рукописях великого художника слова окажутся ненапечатанные отрывки, если появится на свет тот „дневник“, о котором он иногда упоминает, едва ли можно допустить, что эти посмертные откровения выкажут Ивана Сергеевича сколько-нибудь иным, чем теперь уже знают его по его литературным произведениям и по его разговорам» (П. Л. Лавров. И. С. Тургенев и развитие русского общества. — «Вестник Народной воли», Женева, 1884, № 2, стр. 69).

²⁰ В Тург АН. Письма (т. I, стр. 407) это письмо перепечатано в том же русском переводе, в котором оно появилось в «Вестнике Европы», 1911, № 8, стр. 185—188. О подлинном тексте сказано: «Французский оригинал не известен». Находится же он на юге Франции у Алисы Виардо (внучки Полины Виардо). Русский текст цитируемого нами отрывка напечатан также в статье Г. Е в а н г у л о в а «Неизданное письмо Тургенева к Виардо» (газета «Русские новости», Париж, 1952, № 351, 22 февраля), в качестве впервые публикуемого.

²¹ За эти шесть лет — с лета 1850 г. по лето 1856 г. — Тургенев и Полина Виардо могли встретиться лишь в марте 1853 г. во время ее гастролой в Москве, — то было последнее посещение России знаменитой артисткой (в Москву Тургенев сумел приехать из Спасского на десять дней под чужим паспортом: «достал я фальшивый вид на имя купца и отправился», — рассказывал он Н. А. Островской об этой поездке. — «Тургеневский сборник». <Пг., 1915>, стр. 75).

²² «Из памятной книжки». — «Утро» (Харьков), 1910, № 1043, 16 мая.

²³ «Неизданная рукопись Тургенева». — «Речь», 1910, № 137, 21 мая.

Почти такого же содержания заметка появилась в тот же день в другой газете — московской — «Раннее утро» (1910, № 115, 21 мая); в ней было сказано, в частности, что корреспонденту этой газеты «удалось видеть письмо родственника умершей Полины Виардо, Альфреда де-Гарсиа, в котором он сообщает, что рукопись романа Тургенева, пропавшая и неопубликованная при жизни и после смерти, в настоящее время найдена в секретном столике П. Виардо» (курсив наш. — И. 3.).

Почерпнутые из этих заметок в «Речи» и в «Раннем утре» сведения о тургеневской рукописи «Жизнь для искусства» появились в «Русской музыкальной газете» (1910, № 24—25, 13—20 июня), а также в журналах «Музыка и жизнь» (1910, № 5-6, стр. 26), «Исторический вестник» (1910, № 7, стр. 330—331).

Как можно предположить, журналисты неточно назвали имя автора сообщения о рукописи «Жизнь для искусства». Известно, что в те годы жил в Лондоне Альберт Гарсиа: он был сыном или внуком Мануэля Гарсиа (1805—1906), старшего брата Полины Виардо, на протяжении многих лет состоявшего профессором Лондонской консерватории. Надеемся, что дальнейшие разыскания дадут возможность узнать что-либо об Альберте Гарсиа, впервые сообщившем в печати о тургеневской рукописи.

²⁴ Не исключено, что сведения о рукописи «Жизнь для искусства» появились в зарубежной печати сразу после смерти Тургенева. Но, к сожалению, даже парижские журналы и газеты тех недель не обследованы с точки зрения имеющих в них материалов о Тургеневе. Поэтому, безусловно, многое появившееся тогда за рубежом остается до сих пор невыявленным. В русской прессе в те дни было напечатано сообщение, источник которого совсем неясен, о неизвестных воспоминаниях Тургенева: «Иван Сергеевич оставил после себя мемуары, которые он начал с конца прошлого века, со слов его матери, и вел до самого последнего времени», — сообщал корреспондент «Русских ведомостей» Д(оброунов)ч в заметке «Из Парижа» (1883, № 240, 1 сентября, тот же текст, со ссылкой на парижского корреспондента «Русских ведомостей», приведен в «С.-Петербургских ведомостях», № 239, 6 сентября, а также в «Орловском вестнике», № 237, 7 сентября). Если это сообщение соответствовало действительности, то руко-

пись указанных здесь мемуаров Тургенева вряд ли имеет отношение к «Жизни для искусства».

Кстати отметим другое появившееся в то время сообщение об еще одном неведомом произведении Тургенева: «Парижский „Evenement“ сообщает, будто Тургенев начал юмористический роман „Чёрт родился в Германии“, но не окончил его по болезни» («С.-Петербургские ведомости», 1883, № 239, 6 сентября).

²⁵ Сергей Я б л о н о в с к и й. Роман Тургенева. — «Русское слово», 1910, № 116, 22 мая.

²⁶ Д. Ф и л о с о ф о в. Частная жизнь. — «Русское слово», 1910, № 145, 26 июня. Спустя два дня после появления этой статьи «Петербургская газета» (1910, № 174, 28 июня) напечатала следующую заметку, автор которой, видимо, не знал первого сообщения о «Жизни для искусства», появившегося в «Речи»: «Д. Философов сообщает, что после смерти Полины Виардо в одном из потайных ящичков найдена рукопись Тургенева, еще нигде не изданная. Рукопись представляет собой роман, озаглавленный „Жизнь для искусства“. Как полагают — это, однако, не роман, а дневник знаменитого писателя, в котором он описывает свою, так сказать, интимную жизнь, ту жизнь, о которой так мало известно, но которая представляет, конечно, большой интерес, как характеристика этого выдающегося человека. К сожалению, однако, рукопись эта не может скоро увидеть свет. В том же потайном ящике найдено собственноручное письмо Полины Виардо, в котором она просит не печатать этого романа раньше, чем через десять лет со дня ее смерти. Воля покойных — закон. И поэтому только через десять лет перед миром раскроется та сторона жизни Тургенева, которая до настоящего времени известна лишь по небольшим и отрывочным сведениям» (в газете явная ошибка: «Д. Философова»).

²⁷ Клаус Д о р н а х е р. И. С. Тургенев и его «Жизнь для искусства». — «И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы». Под ред. М. П. А л е к с е е в а. Орел, 1960, стр. 184—192.

²⁸ Тург. АН. Письма, т. II, стр. 211; письмо А. Ф. Орлова к Тургеневу от 16 ноября 1853 г. — «Всемирный вестник», 1907, № 12, стр. 60—61.

²⁹ Н е к р а с о в, т. X, стр. 276—277.

³⁰ Там же, стр. 309.

³¹ Письмо от 5/17 мая 1857 г. из Парижа. — Там же, стр. 336.

³² Письмо от 30 июня 1857 г. из Петергофа. — Там же, стр. 345.

³³ Письмо от 14 июля 1857 г. из Петергофа. — Там же, стр. 347.

³⁴ А. П. Б о г о л ю б о в. Записки моряка-художника. — ГПБ, отдел рукописей. См. публикацию Н. В. О г а р е в о й в 76-м томе «Лит. наследства».

³⁵ См. указ. статью Дорнахера, стр. 192.

³⁶ Наталья Кодрянская является автором книги «Сказки» (иллюстрации Н. Гончаровой, предисловие Ремизова). Париж, 1950. Ей же принадлежит книга «Алексей Ремизов», вышедшая в Париже в 1959 году.

³⁷ Вряд ли предыдущей «книжкой», т. е. дневником, были те «Скорбные листы», о которых мы говорили в прим. 1; последняя запись их датирована 25 октября (н. с.) 1882 г., за полтора месяца до публикуемого нами дневника.

³⁸ См. нашу статью «Тургенев и художник В. В. Верещагин» — выше, стр. 321.

³⁹ Об И. Л. Шполянском см. в письмах Тургенева к Стасюлевичу от 20 апреля/2 мая, 10/22 мая и 16/28 мая 1882 г. (Стас., стр. 202—204) и в письмах к Г. О. Гинцбургу от марта, 6/18 и 10/22 сентября 1882 г. (Some Letters of Ivan Turgenev to Baron Horace de Gunzburg, 1877—1883. By I. de Vries de Gunzburg. — «Oxford Slavonic Papers», v. IX, 1960, p. 97—99), а также во второй книге настоящего тома — в письмах Тургенева к Н. В. Чайковскому.

⁴⁰ А. И. Воронцова и В. В. Лудский упоминаются в письмах Тургенева к П. Л. Лаврову (печатаются во второй книге этого тома); девять неизданных писем Тургенева к С. М. Клячко, 1879—1880 гг., в которых говорится о различных хлопотах о нем, хранятся в ЦГАЛИ.

⁴¹ См. выше, стр. 320.

⁴² «Oxford Slavonic Papers», vol. IX, 1960, p. 87.

⁴³ М. О. А ш к и н а з и. Тургенев и террористы. — «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 41; ср. Т. в восп. рев., стр. 195—196.

⁴⁴ Л. И л ь и н с к и й. Тургенев и эмигранты. (Письма И. С. Тургенева к М. Т. Лорис-Меликову); Н. Б о г д а н о в а. Письмо И. С. Тургенева к А. Р. Дренделю. — «Литературно-библиологический сборник». Пг., 1918, стр. 32—39 и 40—45.

⁴⁵ Имея в виду помощь, которую Тургенев постоянно оказывал молодым русским революционерам, американский писатель Генри Джеймс в своих воспоминаниях о нем писал: «Он горячо интересовался русской молодежью; можно сказать, что для него это был самый интересный в мире предмет для изучения. Все эти его русские знакомые почти всегда были несчастны, терпели нужду и протестовали против господствующего порядка вещей, который и в самом Тургеневе вызывал отвращение» («Иностранная критика о Тургеневе». Изд. 2-е. СПб., <1909>, стр. 137).

<ДНЕВНИК. НОЯБРЬ 1882 г.—ЯНВАРЬ 1883 г.>

Париж, 50, rue de Douai

Суббота ^{27*-го нояб<ря>}_{9-го декаб<ря>} <18>82

Итак — несмотря на предчувствие, я начинаю новую книжку. Вот при какой обстановке:

Недели две тому назад я переехал из Буживаля и поселился в rue de Douai. Здоровье мое в том же statu quo; даже похужело в течение нескольких дней; теперь — опять то же — ни стоять, ни ходить и т. д. — Мои все здоровы и благоденствуют. — Виардо немного прихворнул — и, разумеется, очень перетрусился... да ведь ему 82 года с лишком. В прошлое воскресенье дали наконец «Сарданапала» с очень большим успехом. Музыка — посредственная, но distinguée et bien faite **. Я очень рад за Марианну и за ее мужа.

50, rue de Douai

^{17-го}₅ декабря. Воскресение.

В течение последней недели еще вырисовалась новая прелесть. Тот *невром*, который образовался у меня на брюхе над <...> вследствие операции чирея (в 1856-м году) — и который целых 25 лет, хотя болел, но не увеличивался, вдруг стал непомерно пухнуть — и если так продолжится — то придется взрезать мне брюхо и вырвать эту гадость... (от подобной проделки умер Ю. Самарин). Это на днях должно решиться... веселенький пейзажик! Нечего и говорить, что старый недуг процветает по-прежнему.

«Сарданапала» повторили два раза еще — все с тем же успехом.

Я получил № «Вестника Европы» со «Стихотворениями в прозе». О мнении публики и критики еще ничего неизвестно. Григорович сказал Полонскому, что он в них *ничего не понимает* — другими словами, что они ему не нравятся. То же самое, по всем вероятностям, скажет и публика.

Некоторые из этих «Стихотворений», переведенные на французский язык (с помощью Полины), помещены во вчерашнем № «Revue politique et littéraire».

«Темной ночью камень брошенный
В темный путь».

Я все сижу дома и мало кого вижу. Стечкину — умирающую — отправил в Италию. — Были другие полумертвые россиане, Мейер, Павловский, Цакни *** и др. — Провел один только вечер в нашем художественном клубе. Радужная встреча, аплодисменты, шампанское, даже спич (произнесенный Онегиным). — По вечерам музыка (Беттовские сонаты, Гайденовские симфонии) — и карты. Изредка вижу Марианну, Диди. — Был у меня Э. Ожиэ. — Мопассан читал свой замечательный роман. — Был очень интересный американец, бывший статс-секретарь президента Hayes — Mr John Hay. — Похитонов, который написал прелестную картинку (зима, стадо коров), привозил мне свою жену, пре-востренькую и прехорошенькую медицинку. — Глупец Пожалостин женился на своей дурочке. — Я посетил в тричетверти мертвого

* В автографе описка: 29-го

** изящная и хорошо написанная (франц.).

*** Цакни вписано на полях.

кн. А. Горчакова, который сообщил мне, что влюбился!!! А по собственному сознанию он даже никогда мужчиной не был! А теперь даже смотреть на него страшно. Была кн. Урусова с дочкой. Ну — это мало интересно. — Вот пока всё.

Савина, говорят, больна и имеет неприятности с дирекцией. Я ей писал два раза. Ученицы Полины — Mlle Rolandt и Mme Birr de Marion имели большой успех у Паделу́. — Paul совсем ошалел. Уезжает с каким-то пройдохой, певцом *Миранда* (!!!) dans une tournée *. По ночам пропадает, груб, как боров, несет от него вином... Я на него рукой махнул.

ВВ. Умер Mr Clerc, beau-frère г-жи Богомолец. Умер Луи Блан — ему сделали великолепные похороны. — Умер бедный доктор Фриссон... Полина потеряла в нем верного друга. — В России — упадок торговли (особенно хлебной), упадок финансов, студенческие беспорядки. — Письмо от слушательниц врачебных курсов. Я отвечал. Письмо мое, вероятно, будет напечатано.

50, rue de Douai

Пятница, $\frac{12\text{-го янв(аря) 1883}{31\text{-го дек(абря) 1882}}$

Послезавтра, в воскресенье, в 11 ч(асов) мне вырезают мой невром. Операция будет мучительная — так как, по решению Бруарделя, меня хлороформировать нельзя. После мне придется пролежать недвижно дней десять. Если сделается рожа — я, вероятно, умру. Но le vin est tiré — il faut le boire **. Недуг грудной — все в том же положении.

Что произошло в течение этих трех недель? — Прежде всего: Гамбетта умер! (за пять минут до нового года!) Это — ужасный удар для Франции и для республики. Я ездил смотреть его похороны... Ничего подобного я в жизни не видывал. Целый народ хоронил своего вождя... Я от имени русских послал венок и телеграмму в «République Française». ВВ. Умер также генерал *Шанзи* ***. — У нас в России всё мрачней и мрачней. Феоктистова (этого архимерзавца!) сделали начальником над печатью. — Михайловского и Шелгунова выслали... Кавелин опять занемог, Гончаров окривел.

Мое письмо к слушательницам врачебных курсов напечатали... Вообще, кажется, их участь теперь обеспечена.

Моя дочка наделала долгов — и мне пришлось ей послать деньги сверх пенсии. — Здешние все благополучны; Поль дурачится в Веймаре. — История с Лулу́ (сыном Геррита и внуком Полины). Липгарт сделал с меня портрет (пером) для глазуновского издания. Похитонов также пишет портрет — необыкновенно выходит удачно и похоже. Этот — мастер! Он привозил показывать мне и Виардо картины, которые написал нынешним летом — прелесть!

Литература. «Стихотворения в прозе» имели больше успеха, чем я ожидал — если не в публике вообще, то в кружках de lettrés ****. (Очень меня порадовало одобрение Льва Толстого.) И здесь их перевод понравился. — Повесть моя должна завтра появиться в «Вестнике» Е(вропы)» — а 15-го в «Nouvelle Revue» — под заглавием: «Après la mort...»***** ...

* в гастрольную поездку (франц.).

** вино откупорено — надо его пить (франц.).

*** АВ ∞ Шанзи написано на полях.

**** людей просвещенных (франц.).

***** «После смерти» (франц.).

парфр, со тие а бона, едвола,
 29^{та} Новад. 82. —
 9^{та} декаб.

и такв — не саопуе на чредувение,
 а напикае новоо книжку. — Кофр
 брзи како обешановка:

курки рѣт тоу какад и керетас
 црѣвѣат и членки во кн а бона.
 Здротке мѣ во тоу не стѣт дѣ;
 дѣе коуфѣло во брѣвѣ чѣвѣвѣ,
 дѣи; тѣефѣ пѣтѣв мѣе — кн чѣвѣ, по
 кофр и. и. ф. — Моу вѣе здротѣ а чѣ
 здрѣвѣвѣ. — Вѣарѣо кѣмпѣо ари
 свѣтѣвѣ — и рѣзѣвѣтѣ, асѣв чѣе
 тѣуѣмѣ. — За вѣѣ еѣу 82 во рѣсѣмѣвѣ.
 во чѣоѣло зѣкрѣсѣе даѣ кѣо.
 кѣѣ Саѣдѣкѣмѣи оѣ асѣв бѣлѣмѣ,
 зѣкѣтѣоѣ. — чѣуѣвѣка — чѣрѣдѣѣмѣ,
 но — дѣстѣуѣе и вѣѣрѣѣѣ. — А асѣв
 радѣ да кѣрѣвѣнѣу и да оѣ асѣв

Как бы в самом деле не вышло: *après la mort*. Кто знает — я, может быть, пишу это за несколько дней до смерти. Мысль невеселая. Ничтожество меня страшит — да и жить еще хочется... хотя...

Ну, что будет — то будет!

Неприятная вышла история с романом Мопассана, который я было приобрел для «В<естника> Е<вропы>». Чёрт меня дернул поручить перевод Цакнй. Он очень симпатичный малый — но, оказывается, что по-русски плохо знает — и перевод вышел невозможным. Я попробовал было его переделать — но махнул рукою — и «В<естник> Е<вропы>» остался без него. Эта штука мне стоила 1200 франк<ов>. 1000 я дал Мопассану — да 200 — Цакни. А впрочем — где наше не пропадаало!

Дидй мне доверила, что чувствует некоторое влечение к безумно влюбленному в нее М. Палеологу, который, чуть не по ее приказу, уехал в Марокко. Были у нас по этому поводу довольно странные разговоры... Я, как и следует полумертвому, давал ей хорошие и дельные советы. Ничего, впрочем, важного нет. Без этого никакая женская жизнь не обойдется.

Сегодня вечером (канун *нашего* нового года) я на полчаса съезжу в наше общество, где будет елка, музыка и пр. Прочту что-нибудь. Там будет в. к. Константин Николаевич, который вчера сюда приехал и вчера же был у Полины и меня видел. Рассыпался в любезностях, целовал у нее руку. Несчастье его смягчило. Но какая, в сущности, ничтожность!

Были у меня: Тэн, Г. Парис (который исправлял слог в моих переводах), очень интересная девица — врач Скворцова. — Паевский (*quasi*-муж Луканиной) написал довольно недурную повесть. — Павловский все возится с вопросами о жене и детях. Я от него получил письмо... Стечкина в *Torre del Greco*; не пишет, но, по крайней мере, не умирает. — Да! был еще знаменитый путешественник Миклухо-Маклай. Чёрт знает почему, мне кажется, что ведь этот господин — пух — и никакой такой работы после себя не оставит. Был с ним Мещерский... Натали Герцен. — Из Спасского одно интересное известие: кабатчика засадили-таки в острог. Ну — а Жикина?

Кажется, всё.

Запишу еще несколько слов *до* операции. А потом...

Воскресение, 14/2-го* янв<аря> 18>83.

10 ч. ¹/₂ утра.

Сижу в ожидании докторов, которые будут меня резать (они сию минуту приехали) — пока не трушу. Что будет дальше — не знаю. В начале следующей страницы напишу результат.

50, rue de Douai

Суббота, 27/15-го янв<аря> 18>83

В прошлое воскресенье, 2/14-го янв<аря> так-таки и вырезали у меня невром. (Действовал Поль Сегон, присутствовали Бруардель и Нелатон и Гиртц.) Было очень больно; но я, воспользовавшись советом Канта, старался давать себе отчет в моих ощущениях — и, к собственному изумлению, даже не пикнул и не шевельнулся. А длилась вся

* В автографе описка: 13/1-го; в действительности воскресенье приходилось на 14/2 января (в тот же день состоялась операция).

операция минут с 12. Невром был с грецкий орех — большой. Потом меня уложили — и так я пролежал 14 дней. Лихорадки не было и никаких осложнений. Рана в 15 сантим(етров)* скоро и правильно зажила. Зато старая моя болезнь — боль в груди и пр. меня лихо помучила — так как лежание на спине причиняло мне особенные страдания. Пришлось прибегнуть к морфину. Болезнь эта продолжает потешаться надо мною — но ведь от этого я избавиться не могу, что ни говори Бертенсон с своей глиной.

За день до операции я был на елке в нашем обществе; читал несколько «Стихот(ворений) в пр(озе)» — Энгальчева выла... впрочем, было весело... но я не долго там остался.

Повесть моя появилась и в Петербурге и в Москве — и, кажется, и там и тут понравилась. Чего! даже Суворин в «Новом времени» расхвалил!

На днях произошло нечто весьма неприятное для бедного Жоржа: оказалось, что его главный комми Дюфор, честный пуританец Дюфор в течение целых 10 лет его наглешим образом обворовывал — около 3000 фр(анков) он украл! Жорж не знает как быть — засадить его в тюрьму он не хочет, чтобы не вышло огласки (да и в самом деле — все бы нашли, что, видно, плохо ведет Ж(орж) свою типографию — такое воровство не заметил!) — и потерять такую сумму на хочет! Но кто бы это мог подумать про Дюфора, этого степенного, педантического — и преданного (!) друга дома... На кого после этого надеяться? По-неволе придешь к убеждению матери Полины: «piensa mal — у асег-тарас!» **

«Перепелку» мою напечатали в прекрасном издании «Рассказов для детей Л. Н. Толстого» (опасное для нее соседство!) с отличными иллюстрациями Васнецова и Сурикова. Много чести для такой безделки!

Добрый Г. Парис был у меня два раза. Ганри Мартен — раз.

В. Посещение Плевако, болгарского патриота и революционера. Любопытная фигура! ***

Много шума наделала здесь дурацкая прокламация принца Ж(ерома) Наполеона. Его засадили — и, кажется, собираются прогнать всех принцев. Биржа падает и т. д. Заметно, что Гамбетты не стало.

Была у меня некая Лазарева, невиннейшая голубица, тоже желающая посвятить себя медицине. Вот тоже воля, сильнее частной, личной воли! Типическое явление.

«Стих(отворения) в прозе» переводятся на итальянский, чешский, немецкий и пр(очие) языки.

М. А. Языков умер в Петербурге. Много молодых воспоминаний похоронено вместе с ним.

Понедельник, 29/17-го янв(аря) 18/83.

Рана совсем зажила — но старая моя невралгия разыгралась до свирепости! Никогда мне не было так худо! С горя я уж думаю испробовать гомеопатии!

Дело Жоржа с Дюфором устроилось. Он ползал перед ним на коленях, дал, какие только захотели, расписки — и его прогнали. Вопрос теперь: кем его заменить?

* в 15 сантим(етров) написано на полях.

** плохо подумаешь — не ошибешься! (испан.).

*** В ∞ фигура написано на полях

КОММЕНТАРИИ

<К ЗАПИСИ ОТ 27 НОЯБРЯ/9 ДЕКАБРЯ 1882 г.>

Запись сделана в субботу, т. е. 27 (а не 29) ноября/9 декабря 1882 г.; переезд из Буживаля на парижскую квартиру состоялся 6/18 ноября, т. е. за три недели до начала дневника.

Луи Виардо, о болезни которого сказано в этой записи, меньше чем через пять месяцев — 23 апреля/5 мая 1883 г. — скончался в возрасте 83-х лет.

Автор оперы «Сарданапал» — композитор и пианист Альфонс Дювернуа (1842—1907) был мужем младшей дочери Полины Виардо — Марианны (1854—1913). Премьера оперы в концертном исполнении состоялась в Париже в зале «Concerts Lamoureux» 3 декабря (н. с.) 1882 г., и Тургенев, по-видимому, на ней присутствовал: о таком своем намерении он писал Гастону Парису 17/29 ноября 1882 г. (не издано; хранится в Париже). Тургенев относился к Марианне и ее мужу с большой приязнью. 24 марта/5 апреля 1881 г. он был на их свадьбе, а еще до этого помогал молодому композитору, которого считал «прекраснейшим малым» (ЛА т. IV, стр. 313), в его поисках интересного сюжета для оперы (Письма к Пичу, стр. 205—206). Весной 1883 г. Тургенев обратился по этому поводу к М. П. Драгоманову. Вот что писал Драгоманов своей сестре О. П. Косач 7 октября 1883 г.: «...прельстил темой Маруси Богуславки зятя m-me Viardot — mr Duvernoy. Будет писать оперу, которую, чего доброго, увидим на сцене в Париже года через два. Вышло это так: весной получил просьбу Тургенева сообщить ему список переводов на западные языки легенд и песен скандинавских и славянских. Отписал, но ответа не получил по причине тяжелой болезни старика. В конце июня был в Париже и спрашиваю об общих знакомых: на что, мол, нужны были легенды. Говорят, Дювернуа писать что-либо хочет (на славянскую тему), концертное или даже оперное. — Ого, говорю, на оперу даже я сам либретто берусь составить, программу, конечно... — Расскажите. — Рассказываю, правится. Говорят: вот во вторник все поедем к старику в Буживаль (ему было очень лучше, боли совсем почти было улеглись и галлюцинации прошли), там повторите. — Поехали. Тургенев одобрил и очень пожалел, что на сей раз не было Дювернуа. Назначили другое свидание, где и Дювернуа прельстился. Теперь дело пошло всерьез. Вот только смерть Ивана Сергеевича приостановила работу: Дювернуа повез тело Ивана Сергеевича в Россию» (И. М. Г р е в с. М. П. Драгоманов о Тургеневе. — «Былое», 1925, № 3, стр. 115; там же на стр. 123 в кратких словах рассказан сюжет украинской думы о Марусе Богуславке. О поисках Драгомановым по просьбе Тургенева сюжета для оперы Дювернуа и записку Тургенева к нему от 29 июня 1883 г. по тому же поводу см.: Т. в восп. рев., стр. 179—181 и 188). Письмо Дювернуа от 27 сентября 1883 г. к Стасюлевичу, отправленное в связи с его поездкой в Россию в качестве сопровождающего гроб с останками Тургенева, — см. Стас., стр. 273—274 (имя Дювернуа указано здесь неправильно — Альфред).

О сердечном отношении Марианны Дювернуа к Тургеневу см. в ее письмах к Е. И. Апелевой. — «Русские ведомости», 1904, № 25, 25 января.

<К ЗАПИСИ ОТ 5/17 ДЕКАБРЯ 1882 г.>

Операция была сделана хирургом Полем Сегоном четыре недели спустя — 2/14 января 1883 г. (описание операции — см. в письме Тургенева к доктору Л. Б. Бертенсону. — ПСП, стр. 536—537). Несмотря на то, что операция прошла благополучно, состояние здоровья Тургенева стало резко ухудшаться. По определению С. П. Боткина, «суть его страданий оказалась в раковом поражении костей позвоночника» («Мнение С. П. Боткина о ходе болезни И. С. Тургенева». — «Новости и Биржевая газета», 1883, № 209, 29 октября. О болезни Тургенева см. также в кн.: Л. С. У т е в с к и й. Смерть Тургенева. Пб., 1923).

Об откликах на «Стихотворения в прозе», появившиеся в декабрьском номере «Вестника Европы» 1882 г., см. ниже.

Переводы на французский язык тридцати из этих «Стихотворений в прозе», сделанные Тургеневым при участии Полины Виардо, были напечатаны в парижском журнале «Revue politique et littéraire», 1882, №№ 25 и 26, 16 и 23 декабря. Об этих переводах Тургенев писал Рольстону 27 декабря н. с. 1882 г.: «Посылаю вам сегодня экземпляр моих „Стихотворений в прозе“, — и французский перевод 30 из них, которые были напечатаны в „Revue politique et littéraire“. Я не выслал вам русского подлинника... с целью видеть стихотворения в прозе переведенными на английский — потому что я не думал (и, сказать откровенно, все еще не думаю), что эти маленькие вещички могут понравиться английской публике. Вообще говоря, я считал их слишком русскими для европейского вкуса, и перевод на французский, сделанный Mme Viardot, был решен согласно ее желанию, не моему. Только после выхода <его> из печати я начал думать, что она была права, а не я» (сб. «Недра», кн. 4. М., 1924, стр. 279).

Две стихотворные строки — автоцитата из стихотворения «Конец жизни», напечатанного в «Отечественных записках», 1844, № 1, отд. I, стр. 195 (ср. Тург. АН. Сочинения, т. I, стр. 48 и 522). Цитата не точна. Строки заключают стихотворение, и их журнальный текст таков:

Словно камень, ночью брошенный
В темный пруд.

То, что Тургенев процитировал свое стихотворение сорокалетней давности, — факт любопытный, так как считается, что писатель не любил вспоминать о своих опытах в области поэзии. Вот что он писал, например, 19 июня 1874 г. С. А. Венгерову: «Я чувствую положительную, чуть не физическую, антипатию к моим стихотворениям — и не только не имею ни одного экземпляра моих поэм — но дорого бы дал, чтобы их вообще не существовало на свете» (ПСП, стр. 234).

Тургенев принял деятельное участие в литературной судьбе молодой писательницы Л. Я. Стечкиной (1851—1900) и проявлял большую заботу о ней. Спустя пять дней после записи о том, что он «отправил в Италию» умирающую Стечкину, Тургенев писал ее матери: «Дочь ваша, Любовь Яковлевна, серьезно больна, — хотя вовсе не безнадежно. Она настолько серьезно больна, что доктор Жаккү, один из первых здешних врачей, объявил ей, что она не должна думать вернуться в Россию раньше весны — и что пока ей нужно пребывание в южном климате. Соображаясь с этим, мы здесь ее снарядили, достали денег и отправили в Неаполь, куда она по телеграмме благополучно прибыла и где она найдет знакомых, которые примут ее на свое попечение. Остаться в самом Неаполе она, вероятно, не захочет, а выберет место по близости, вероятно, Сорренто, где жизнь гораздо дешевле. Средств для жизни у нее на два месяца хватит» (письмо к Л. Н. Стечкиной от 10/22 декабря 1882 г. — «Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным». Одесса, 1903, стр. 60; в этой брошюре напечатано шестьдесят пять писем Тургенева к обем адресаткам). О внимании, которое Тургенев уделял Л. Я. Стечкиной, рассказывает ее брат. — Н. Я. Стечкин. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. (С приложением семи его неизданных писем). СПб., 1903.

В. Я. Мейер (1851—1884) — с двадцатидетного возраста участник революционного движения, многократно находился под арестом. Привлекался к дознанию по делу о пропаганде в империи (процесс 193-х), за отказ отвечать на вопросы Мейер был удален 15 ноября 1877 г. из залы заседаний суда. В конце 1878 г. нелегально выехал за границу. К Тургеневу его привели материальная небезопасность и поиски работы; тяжелая болезнь Мейера дала основание в дневнике назвать его полумертвым. В № 11-12 «Народной воли» (1885 г.) в перечне погибших революционеров о нем сказано: «Мейер В. Я., эмигрант (судившийся по делу 193-х), умер от чахотки в Париже 23 ноября 1884 г.» («Литература партии Народной воли», вып. 2. СПб., 1907, стр. 178). О Мейере см. в изд.: «Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь». Составлен А. А. Ш и л о в ы м и М. Г. К а р н а у х о в о й, т. II. М., 1931. Семидесятые годы, вып. 3, стб. 908—910.

Об И. Я. Павловском — см. в нашей вступительной статье к дневнику Тургенева (стр. 373—374).

О Н. П. Цакни — см. ниже, стр. 412—414.

Вечер, проведенный Тургеневым в декабре 1882 г. в Обществе русских художников в Париже (12, rue Tilsit), был одним из последних, на котором он присутствовал. 14/26 декабря Тургенев писал А. В. Топорову: «После моего выезда в Общество русских художников мне стало хуже — и я опять сижу как на привязи» (ЛИА т. IV, стр. 338—339). Спич на этой «радушной встрече» произнес А. Ф. Онегин (Отто; 1844—1925) — один из русских знакомых Тургенева, постоянно живший в Париже, частый его собеседник, неоднократно выполнявший его поручения. В ИРЛИ хранятся сорок писем Тургенева к Онегину за 1870—1883 гг., из них в печати известны девять (сб. «Недра», кн. 4. М., 1924, стр. 285—296). Онегин был страстным собирателем автографов русских писателей, а также документальных и иконографических материалов по истории русской литературы. О нем см.: П. А. П о с т о л. Памяти А. Ф. Онегина. — «Временник Общества друзей русской книги», I. Париж, 1925, стр. 71—73. См. также: «Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris. Notice, catalogue et extraits de quelques manuscrits par Modeste H o f m a n n». Paris, librairie Edouard Champion, 1926 (М. Л. Г о ф м а н. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Общий обзор, описание и извлечение из рукописного собрания). В 1928 г. эта замечательная коллекция поступила целиком в Пушкинский дом, где в 1930 г. она была экспонирована (см. «Выставка собраний А. Ф. Онегина». Л., 1930).

Из дочерей Полины Виардо больше всех Тургенев любил Клоди (Диди; 1852—1914). В его письме к Людвигу Пичу от 5 января н. с. 1874 г. о ней говорится: «... существо, которое я люблю больше и нежнее всего на свете» (Письма к Пичу, стр. 155). Она была художницей.

Пьесы Эмиля Ожье (1820—1889) Тургенев хорошо знал с молодых лет. Так, в письме к Полине Виардо из Куртавнеля от 7/19 августа 1849 г. он упоминает одного из героев комедии в стихах Ожье «Авантюристка», впервые поставленной 23 марта 1848 г. в Париже (здесь Тургенев и жил тогда). Вскоре они познакомились и сблизились. Имя Ожье и названия его пьес часто встречаются в письмах Тургенева. Сохранилась записка, в которой Тургенев в апреле 1863 г. приглашает художника Луи Поме пойти на представление пьесы Ожье «Замужество Олимпии» (записка не издана; хранится за границей). 4 марта н. с. 1876 г. Тургенев вместе с Флобером, Доде, Золя и братьями Гонкур смотрел пьесу Ожье «Мадам Каверле»; высказывания Тургенева по поводу некоторых проблем, затронутых в пьесе, отмечены в дневнике Гонкуров, в записи от 5 марта 1876 г. (Edmond et Jules de Goncourt. Journal. Mémoires de la vie littéraire. 1875—1878. Monaco, <1956>, t. XI, p. 80—81; [сообщение по тому же поводу см. Е. А р д о в (Апрелева). Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. — «Русские ведомости», 1904, № 18, 18 января). В месяцы предсмертной болезни Тургенева Ожье посещал его не раз. Со слов M-lle Арнольд (немки, воспитательницы детей Виардо, прожившей у них в доме свыше двадцати лет, ухаживавшей за Тургеневым во время его болезни), Верещагин сообщает в своих воспоминаниях: «Ивана Сергеевича приходили навещать многие из парижских знаменитостей; между прочим, Эмиль Ожье — c'est un auteur dramatique très connu*, — прибавила она для меня, — приезжал недавно читать новую пьесу» (В. В. В е р е щ а г и н. Очерки, наброски, воспоминания. СПб., 1883, стр. 139). Ожье присутствовал на проводах тела Тургенева на Северном вокзале в Париже.

Несмотря на то, что разница в возрасте Тургенева и Ги де Мопассана составляла тридцать два года; это не мешало их отношениям быть весьма дружескими: Тургенев оценил талант Мопассана еще до того, как в печати появились его первые произведения. Позже, 25 февраля/9 марта 1881 г. он писал Стасюлевичу: «...из всей молодой школы романистов во Франции самый талантливый — Мопассан» (Стас., стр. 193). Считая, что «великий русский романист был одним из замечательнейших писателей настоящего столетия и в то же время человеком честнейшим, прямым, искреннейшим во всем», Мопассан говорил о Тургеневе: «Ни у кого не было такой открытой души, более чуткой и доступной дружбе, ни у кого талант не был так увлекателен, никто

* это очень известный драматург (франц.).

не имел сердца более безупречного и доброго» («Иностранная критика о Тургеневе». Изд. 2-е. СПб., (1909), стр. 107—108). О влиянии Тургенева на творчество Мопассана см. статью: André V i a l. Maupassant, héritier de Balzac, de Tourguéniev et de quelques autres. — «Europe» (Paris), 1963, septembre, pp. 99—124. Уделив значительную часть своей статьи вопросу о прямом влиянии Тургенева на Мопассана, в особенности на его роман «Жизнь», Андре Виаль приводит ряд убедительных параллелей из «Живых мощей», «Первой любви» и «Вешних вод», с одной стороны, и «Жизни» — с другой. Эти параллели дают ему возможность назвать Мопассана творческим наследником Тургенева и его вдумчивым учеником, очень многим обязанным русскому мастеру. См. также статью Н. Н. Куредова. И. С. Тургенев и Ги де Мопассан. (Из истории взаимоотношений [и творческих связей писателей]). — «Ученые записки Кустанайского гос. пед. института, серия филологических наук», т. IV, 1959, стр. 113—130.

Еще в ноябре 1882 г. Мопассан читал Тургеневу части своего первого романа «Жизнь», и Тургенев предложил Стасюлевичу, до напечатания романа во Франции, поместить его в «Вестнике Европы» (Стас., стр. 218—219). Как свидетельствует публикуемый дневник, Мопассан вновь посетил Тургенева около 5/17 декабря и читал ему дальнейшие главы «Жизни». Оценка Тургеневым этого романа была им повторена в письмах к Стасюлевичу (см. об этом ниже, стр. 412).

Запись Тургенева о том, что у него побывал очень интересный американец Джон Хей, бывший статс-секретарь президента Хейзе, устанавливает факт знакомства писателя с видным политическим деятелем и литератором США. Сведения об этом в нашей исследовательской литературе отсутствовали. Вообще связи Тургенева с американцами не изучены, между тем эти связи не были эпизодическими. Н. А. Островская, которая летом 1873 г. была в Карлсбаде, где в то же время больше месяца прожил Тургенев, вспоминает: «Сегодня Иван Сергеевич не был у источника, — сказал мне однажды муж, возвратившись домой. — Я зашел к нему справиться о здоровье. Он сидит в лиловой фуфайке, перед ним куча писем; говорит, что был болен, да теперь выздоровел, а сам так и сияет. Письма эти все из Америки с выражением восторга к его таланту. Переводчик и издатель его сочинений в Америке (Брет Гарт, кажется) пишет, что издание разошлось быстро, и посылает почтенный куш денег. Один какой-то критик говорит, что американцам особенно нравятся „Отцы и дети“, потому что в Базарове они находят что-то „американское“. Мы уже съездили с Иваном Сергеевичем в Америку. Говорит, что Диккенс ездил, читал там свои сочинения на публичных чтениях и производил фурор. Мы, было, совсем уже собрались туда же, да и тебя решили с собою прихватить» («Воспоминания о Тургеневе Н. А. Островской». — «Тургеневский сборник». <Пг., 1915>, стр. 102).

О том, что Тургенев мечтал побывать в Америке, свидетельствует и американский писатель Хьялмар Бойесен, впервые с ним встретившийся несколько месяцев спустя — осенью 1873 г. Подробно рассказывая в своих воспоминаниях об их тогдашней беседе, Бойесен приводит следующие слова Тургенева (из которых, в частности, видно, что Тургенев, как и многие передовые люди того времени в России и Западной Европе, несколько идеализировал социальную действительность Североамериканских Соединенных Штатов):

«Это была моя всегдашняя *idée fixe*, — продолжал он, — посетить вашу страну... В юности, когда я учился в Московском университете, мои демократические тенденции и мой энтузиазм по отношению к североамериканской республике вошли в поговорку и товарищи студенты называли меня „американцем“. Я и до сих пор еще не потерял надежды — пересечь Атлантический океан и собственными глазами поглядеть на страну, за развитием которой я следил лишь издали <...> Я искренне радуюсь, — продолжал он, — всем происходящим за океаном и всегда стремлюсь быть au courant* вашей литературы. Если я пропустил что-либо выдающееся, надеюсь, вы осведомите меня». Воспользовавшись удобным моментом разговора, я рассказал ему о том, что он имеет в Америке многих горячих поклонников, что американская критика ставит его наряду с Диккенсом и что о нем всегда говорят с восторгом в литературных кружках Бостона. Я думал, что в сущности это ему известно, но, к моему удивлению, до него

* в курсе (франц.).

*A Monsieur René Thorel.
Vingtième de la 1re représentation
de Samson et Dalila
à Caen
Pauline Viardo*

ПОЛИНА ВИАРДО

Фотография 1900-х годов с дарственной надписью (на французском языке):
«Господину Рене Торелю. В память первого представления „Самсона и Далилы“ в Круасси.
Полина Виардо»

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

не дошли слухи о его успехе в Америке. „Вы не можете себе представить, — воскликнул он, — какое вы доставляете мне удовольствие... Я всегда радуюсь, когда слышу, что мои книги нашли симпатизирующих читателей, но я вдвойне рад, что они встретили такой прием в Америке“ <...> В последний раз я виделся с Тургеневым вечером пред моим отъездом. Пожимая руку, он сказал мне: „Au revoir в Америке“» (В. Б а т у р и н с к и й. К биографии И. С. Тургенева. — «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 64—70).

Отзвуком интереса Тургенева к жизни в Соединенных Штатах явилось упоминание о жизни Джеммы в этой стране в эпилоге повести «Вешние воды».

Неоднократно объездив многие страны Западной Европы, Тургенев так и не побывал в Соединенных Штатах. Но интерес к этому тогда еще молодому государству не покидал его до последних месяцев жизни. Поэтому Тургенев был доволен знакомством с таким незаурядным человеком, каким был Джон Хей (1838—1905). Хей был дружен с Авраамом Линкольном, у которого работал в качестве секретаря; впоследствии, вместе с другим секретарем Линкольна, создал десяти томный труд о нем, не утративший своего значения до настоящего времени: «Abraham Lincoln. A history». By John G. Nicolay and John Hay. Century, N. Y., 1890. В 1860-х годах Хей служил в американских посольствах в Париже, Вене и Мадриде, а в 1870-х — на протяжении пяти лет работал в редакции газеты «Нью-Йорк Трибюн». В 1879—1881 гг. Хей был первым заместителем государственного секретаря при президенте Хейзе (Hayes).

В декабре 1882 г. Тургенев впервые встретился с Хеем. Знакомство с Хеем произошло при содействии известного американского писателя Генри Джеймса. В архиве Хейя (в библиотеке Университета Броуна в городе Провиденсе в США) сохранилось неизвестное в печати письмо Джеймса, которое было им послано 5 декабря 1882 г. Хейю в Париж вместе с рекомендательной запиской к Тургеневу (она не дошла до нас). После встречи с Тургеневым Хей отправил Джеймсу следующее письмо:

Париж, Отель д'Альб
9 декабря 1882

Мой дорогой Джеймс,

После получения вашей любезной рекомендательной записки к Ивану Тургеневу, я, не теряя ни минуты, отправился на rue de Douai; мне посчастливилось застать его дома и достаточно здоровым, чтобы вести беседу, но далеко не столь здоровым, как нам хотелось бы. У него в груди боли — вроде подагрических, которые очень мучительны и, по словам Шарко, эта болезнь вряд ли излечима, ибо медицина здесь совершенно бессильна. Болезнь может пройти сама или же надобно остаться в том же состоянии. Она очень мешает ему и ходить и стоять; она вынуждает его отказаться от своего намерения провести лето в России, куда он собирался ехать и где хотел написать роман, уже совершенно сложившийся у него в голове. Из-за всего этого Тургенев находится в некоторой нерешительности, не зная, что ему делать дальше. Ненастная погода, которая стоит здесь, должно быть, ему вредна, но он, по-видимому, и не собирается тронуться с места. Он говорил о вас в самых горячих выражениях и сожалел, что не познакомился с вами, когда вы были здесь.

Это, безусловно, крупная и привлекательная натура. Я никогда не видел, чтобы великий человек был таким простым и приветливым. Просто ярость берет, когда видишь, что эта могучая и благородная душа измучена болезнью, тогда как тысячи людей нуждаются в его творчестве, а Марборо-Клуб, например, битком набит ничтожествами, которые se portent à merveille*. Если бы мы имели право распоряжаться в этом мире, мы всё это изменили бы и поставили вверх тормашками.

Если увидите Кинга, поругайте его за меня. Я даже не знаю, где он сейчас находится.

Вся Франция под водой. Я собираюсь поселиться на Триумфальной арке.

Всёцело преданный вам Джон Хей

* «чувствуют себя превосходно» (франц.). — Слова Дорины о Тартюфе из одноименной комедии Мольера. — И. З.

(Письмо опубликовано в статье: George M o n t e i g o. Letters to a «Countryman». John Hay to Henry James. — «Books at Brown», v. XIX, May 1963, p. 107; приведено нами в переводе).

Литературной и политической деятельности Джона Хей посвящен ряд изданий. Полное собрание его произведений, в том числе и стихотворения, см. в книге: «The Complete Works of John H a y, including many poems now first collected, with an introduction by Clarence L. Hay», 1916. В том же году появилось двухтомное издание, заключающее в себе биографию и письма Джона Хей: William Roscow T h a y e r. The Life and Letters of John Hay. 2 vol. В 1933 г. было выпущено исследование о нем, озаглавленное «От поэзии к политике» (Tyler D e n n e t t. John Hay: from Poetry to Politics. New York, Dodd, Mead & Co, 1933).

Тургенев высоко ценил талант И. П. Похитонова (1850—1923), постоянно жившего во Франции, часто встречался с ним. По призванию художник был пейзажистом. Его маленькие картины, которые он неизменно писал на дощечках красного дерева, приводили Тургенева в восхищение. Так, посылая в 1878 г. переводчику Эмилю Дюрану билет на выставку русских художников в Париже, Тургенев писал: «...советую вам обратить внимание на небольшие, но замечательные картины Похитонова» (Г.-К., стр. 318). Сообщая Анненкову о другой выставке в Кружке русских художников, Тургенев писал 25 февраля 1882 г.: «Устроили мы здесь выставку произведений русских художников. — Посещается она слабо... да оно и понятно. — За исключением крошечных пейзажей Похитонова — mediocritas*» («Красный архив», 1929, № 1, стр. 200).

В следующей записи Тургенев дает снова высокую оценку работам Похитонова, причем даже таким, в которых художник не был на большой высоте. Мы имеем в виду портреты, которые обычно не удавались ему. И хотя Тургенев считает, что его портрет, который пишет Похитонов, «необыкновенно выходит удачно и похоже», с такой оценкой вряд ли можно согласиться. По-видимому, речь идет о том самом портрете Тургенева, который ныне хранится в Третьяковской галерее (его размер 16,2×13,1 см; воспроизведение см. выше, на стр. 383). Мало удачны и другие известные нам портреты кисти Похитонова, изображающие Л. Н. Толстого, П. Л. Лаврова, В. Н. Фигнер (они демонстрировались на выставке произведений Похитонова, организованной в 1963 г. в Третьяковской галерее, и указаны в выпущенном каталоге). Как сообщила нам Зоя Ивановна Маркевич, дочь художника, живущая в Париже, в их семье хранилось несколько писем Тургенева к ее отцу, которые в годы второй мировой войны погибли.

Гравер И. П. Пожалостин (1837—1909) в качестве пенсионера Академии художеств провел за границей три года — с 1871 по 1874. Его знакомство с Тургеневым относится, возможно, еще к тому времени. В 1883 г. Пожалостин выполнил два гравированных портрета Тургенева с этюда Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, изображавшего писателя в 1879 г. на фоне пейзажа в охотничьем костюме с ружьем в руках. Одна из этих гравюр была сделана Пожалостиным для издания «Записок охотника», выпущенного в 1883 г. И. И. Глазуновым.

А. М. Горчаков (в дневнике Тургенева его имя обозначено ошибочно буквой Н.; 1798—27 февраля 1883 в Бадене) — лицейский товарищ Пушкина; ему посвящены два стихотворения поэта. Выдающийся дипломат, Горчаков на протяжении четверти века был министром иностранных дел. В 1879 г., ввиду преклонного возраста, Горчаков отошел от службы, хотя официально числился на этом посту до 1882 г. Последние годы жизни провел за границей. После смерти Горчакова Анненков в письме из Бадена от 19/31 марта 1883 г. рассказывал Тургеневу о любовных увлечениях их общего знакомого и о скандалах, происходивших в те недели в баденском доме покойного (письмо не издано. — ИРЛИ). Три месяца спустя Анненков писал о том же своему другу художнику Н. Я. Макарову (письмо от 23 июня н. с. 1883 г. из Парижа; не издано. — ЦГАЛИ).

М. С. Урусова (рожд. Мальцева, дочь владельца хрустальных и других заводов) — жена тульского вице-губернатора, приятеля Л. Н. Толстого, в 1870—1880-х годах жившая в Париже с тремя дочерьми. Ее парижский салон посещали известные

* посредственность (лат.).

деятели литературы и искусства. В дневнике германского посла в Париже Хлодвиг Гогенлоэ 6 февраля н. с. 1876 г. записано: «Вчера вечером у княгини Урусовой. Там были Черкасский, Жуковский-младший и Тургенев. Последний рассказывал, между прочим, о Викторе Гюго, которого он часто навещает». Другая запись — от 2 апреля н. с. того же года — гласит: «...к княгине Урусовой, где застал Тургенева, который читал стихи и рассказывал о разном в своей обычной образной манере» (*Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenloe-Schillingfürst*, В. II. Stuttgart und Leipzig, 1906, S. 182, 185). О частых встречах с Тургеневым у княгини Урусовой говорит в своих воспоминаниях о нем художник Э. К. Липгарт (печатаются в 76-м томе «Лит. наследства»). Имя Урусовой нередко упоминается в письмах Тургенева. О предстоящей встрече с ней в Париже он сообщает в письме к А. В. Плетневой, относящемся к тому же 1876 г. (ЛА т. III, стр. 212), говорит в письмах к Генри Джеймсу 1877—1880 гг. («Мосты», 1961, № 7, стр. 344, 346, 348 и 349). В хранящейся в Гос. Эрмитаже неизданной рукописи Э. К. Липгарта «*Mes mémoires*» имеется глава, посвященная парижскому салону Урусовой. Об Урусовой см. также воспоминания И. М. Ивакина в «Лит. наследстве», т. 69, кн. 2, 1961, стр. 44 и 57—60.

У Тургенева Урусова была, по-видимому, со старшей дочерью Марией Леонидовной (1867—1895), превосходной пианисткой. Ее игрой восхищались Лист, Рубинштейн. Училась в Париже в Сорбонне. Познакомившись с тремя дочерьми Урусовой, Толстой высоко оценил именно старшую: «...больше всех мне понравилась Мери. Она серьезный хороший человек будет», — писал он 20 июля 1885 г. ее отцу (Толстой, т. 63, 1934, стр. 279). Сохранилось письмо Толстого к ней от 22 октября 1894 г. (там же, т. 67, 1955, стр. 255—256). После смерти Марии Леонидовны в 28-летнем возрасте мать написала о ней книгу: «*Princesse M. Ouroussoff. Histoire d'une âme—Mary. Souvenirs recueillis par sa mère*» («Княжна М. Урусова. История одной души — Мери. Воспоминания, записанные ее матерью»). Paris, 1904.

Тургенев относился к М. Г. Савиной (1854—1915) с большим душевным расположением. Он ценил ее не только как выдающуюся актрису, но и как человека тонкого ума и редкого обаяния: «...я чувствую к ней искреннее влечение», — писал Тургенев 25 августа с. с. 1879 г. Топорову (ЛА т. IV, стр. 293), а самой Савиной в письме из Москвы 24 апреля 1880 г. он признавался: «... вы стали в моей жизни чем-то таким, с которым я уже никогда не расстанусь». Летом 1881 г., когда Тургенев жил в Спасском, к нему приехала Савина погостить на пять дней (с 14 по 18 июля). После ее отъезда Тургенев писал ей: «Ваше пребывание в Спасском оставило неизгладимые следы». В письме Тургенева к Савиной от 6/18 сентября 1882 г. имеются такие шуточные строки: «Вы пишете мне, что, если бы я приехал в Петербург, молодежь стала бы за мной ухаживать... Меня гораздо сильнее привлекает туда мысль — что я бы мог ухаживать за вами». В записи Тургенева идет речь об его письмах, отправленных ей 5/17 ноября и 27 ноября/9 декабря 1882 г. («Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной о И. С. Тургеневе». С предисл. и под ред. А. Ф. Кони. Пг., 1918, стр. 9, 26, 54, 58—59; в этом издании напечатано свыше восьмидесяти писем и телеграмм Тургенева к Савиной за 1879—1883 гг.).

В зале Паделу в Париже устраивались концерты. О посещении Тургеневым одного из них упоминает Альфонс Додэ: «... Тургенев объявил (у Флобера), что должен отправиться за „дамами“ в концерт Паделу, и я пошел с ним. По дороге мы разговорились о музыке, и я с восторгом убедился, что он любит ее <...> „Дамы“, о которых он упомянул у Флобера, были г-жа Виардо и ее дочери, которых Тургенев любил, как родных детей» («Иностранная критика о Тургеневе», стр. 101—102).

Отношение Тургенева к Полю Виардо (1857—1941), сыну Полины Виардо, было отрицательным (в следующей записи о нем говорится: «Полю дурачится в Веймаре»). Скрипач, типичный представитель артистической богемы, человек грубого характера. Поль Виардо приносил много огорчений родным. «Самонадеянным юношей» назвал его Тургенев в письме к Д. В. Григоровичу от 25 января/6 февраля 1881 г. («Гос. Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Сборник III». Л., 1955, стр. 82). Вместе с тем Тургенев оказывал постоянное содействие Полю Виардо во время его гастролей в России. У Алисы Виардо, дочери Поля, сохранилось письмо Тургенева,

адресованное ему 6 января 1881 г. «в Санкт-Петербург в Европейскую гостиницу»; Тургенев отправил Полю Виардо одновременно несколько рекомендаций к влиятельным лицам в Петербурге (письмо это не издано; упоминает о нем Г. Е в а н г у л о в. Неизданное письмо Тургенева к Виардо. Беседа с внучкой Полины. — «Русские новости», Париж, 1952, № 351, 22 февраля). В числе посланных тогда Тургеневым Полю Виардо рекомендательных писем одно получил министр финансов А. А. Абаза, жена которого — Юлия Федоровна — была известной певицей, а их дом являлся музыкальным центром столицы. Письмо Тургенева к Абазе датировано 6 января 1881 г. (тем же числом, что и письмо к Полю); его текст — см. в том же 3-м сборнике ГПБ, стр. 83. О петербургских концертах Поля Виардо см. статью Н. Соловьева в «С.-Петербургских ведомостях», 1881, № 23, 24 января.

Во время этих гастролей Поля Виардо произошло следующее: «Очень выдающаяся фигура была Софья Александровна Малоземова, прекрасная музыкантша, отличная преподавательница (<...> Помню ее однажды в очень обидном для нее положении. Приехал в Петербург сын известной певицы Полины Виардо Поль Виардо, скрипач. Он приехал с письмом от матери к княгине Марии Аполлинариевне Барятинской и был приглашен играть у нее в гостиной. Это был ужаснейший тип, прямо прощальга, нахальный, заносчивый; помню, у него на правой руке было серебряное кольцо, унизанное маленькими колечками, которые все время бряцали, пока он водил смычком. Все было не по нем, — и публика, и акустика, и место, с которого ему приходилось играть, и — аккомпаниаторша. На несчастной Малоземовой он вымещал все свои неудовольствия; и наконец, распалив сам себя до белого каления, он раскрыл перед ней какую-то вещь Сен-Санса и взял такой головокружительный темп, что бедная Софья Александровна, ученица Рубинштейна, одна из лучших в Петербурге преподавательниц, едва-едва, читая с листа, через пень в колоду поспевала. Вдруг он бросил скрипку на фортепиано: „Если хотят, чтобы я играл, то пусть, по крайней мере, приготовят приличного аккомпаниатора“. Присутствующие обступили Малоземову, Виардо был предоставлен своему гневу» (Сергей В о л к о н с к и й. Мои воспоминания. Лавры. Странствия. Берлин, 1923, стр. 105—106).

Поль Виардо является автором книг: «Histoire de la musique» (1904) и «La musique en Scandinavie» (1908). В те же годы он печатал в Париже отрывки из своих мемуаров с упоминаниями о Тургеневе; переводы некоторых из этих отрывков см.: Поль В и а р д о. Воспоминания артиста. — «Новое время», 1906, № 10991, 10994, 11001, 11033, 18, 21, 28 октября и 12 декабря. В 1910 г. в Париже вышла его книга «Souvenirs d'un artiste», где говорится о Тургеневе.

Нам не удалось отыскать сведений о Клерке, по поводу которого в дневнике сказано лишь, что он «beau-frère г-жи Богомолец». Имя этой женщины в литературе о Тургеневе встретилось нам единственный раз: на серебряной доске, которая была возложена в Париже вместе с серебряным венком на гроб Тургенева, среди фамилий русских друзей и близких знакомых покойного, живших тогда во Франции, выгравирована также и фамилия г-жи Богомолец («Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. IV. И. С. Тургенев». М. — Л., 1958, стр. 115). Из семьи Богомолец вышел ряд выдающихся деятелей украинской культуры.

Луи Блан (1811—1882) — видный публицист и общественно-политический деятель Франции. Начал свой путь социалистом-утопистом. В 1840 г. опубликовал книгу «Организация труда», получившую широкое распространение в демократических кругах. Автор известной книги «История десяти лет (1830—1840)», которую впоследствии широко использовали Белинский в статье о «Парижских тайнах» Эжена Сю и Чернышевский в статьях о Реставрации и Июльской монархии. Перу Луи Блана принадлежит двенадцатитомная «История французской революции». В 1848 г. был членом Временного правительства Французской республики. В 1871 г., будучи депутатом Национального собрания, выступил против Парижской коммуны. Один из основателей буржуазно-радикальной партии во Франции. Как указывал Ленин, «Луи Блан мнил себя *вождем* „трудовой демократии“ или „социалистической демократии“ (<...>), а на деле Луи Блан был *хвостом* буржуазии, игрушкой в ее руках» (В. И. Л е н и н Полн. собр. соч., изд. 5, т. 32. М., 1962, стр. 311).

Письмо Тургенева слушательницам женских врачебных курсов спустя пять дней после этой записи было напечатано в петербургской газете «Голос» (1882, № 336, 10 декабря). Писатель выступил в защиту курсов, закрытых после их десятилетнего существования. В письме Тургенев благодарил за данную ему возможность участвовать в таком гуманном и патриотическом деле, каким считал «упрочение будущности женских врачебных курсов». Тургенев писал о «той великой пользе», которую их слушательницы «призваны принести нашей родине». И далее: «Исторические судьбы России налагают на русскую женщину особые и высокие обязанности, при исполнении которых она уже заявила столько силы самопожертвования, столько способности к честному и стойкому труду, что было бы неразумно, было бы грешно — не говоря уже, ставить ей преграды на указанном ей свыше пути — но не способствовать ей всеми мерами к осуществлению ее призвания» (Соч. 1930, т. XII, стр. 408—409). Тургенев желал видеть свое письмо напечатанным. 30 ноября/12 декабря 1882 г. он извещал Стасюлевича: «Я получил от слушательниц Врачебных женских курсов письмо с 40 подписями<...> Я отвечаю им прилагаемым письмом, которое покорно прошу передать им немедленно — а также внести им сто рублей серебром — которые вы возьмете из предбудущего моего гонорара. — Они, конечно, напечатают мое письмо в какой-нибудь газете; может быть, даже испросят вас перепечатать его в „Вестнике Европы“. — Это я предоставляю вашему благоусмотрению; прошу только передать им мое письмо и деньги» (Стас., стр. 220).

«К ЗАПИСИ ОТ 31 XII 1882—12 I 1883»

В связи с предстоявшей операцией Тургенев снова возвращается к мыслям о возможной смерти, так упорно владевшим им в эти месяцы.

Быть может, в прямой связи с этими настроениями находятся строки о смерти Леона Гамбетты (1838—1882). Хотя Тургенев почти совсем прекратил выезды из дома, он все же решил посмотреть на похороны Гамбетты (из окна квартиры своих друзей, выходившей на улицу Риволи, по которой следовала траурная процессия — ЛА т. IV, стр. 339).

Выдающийся оратор, Гамбетта приобрел большую популярность еще в 1868 г. своим блестящим выступлением в защиту Делеклюза (будущего члена Парижской коммуны); эта его речь на суде представляла собой обвинительный акт против бонапартистского режима Второй империи. В 1869 г. был избран депутатом Законодательного корпуса. Во время революции 4 сентября 1870 г. провозгласил республику. Став членом правительства национальной обороны, Гамбетта проявил большую активность в организации обороны Франции от нашествия немецких войск.

В последние годы жизни, будучи председателем Национального собрания, а одно время — главой кабинета, он проделал эволюцию вправо, примкнув к группе умеренных буржуазных республиканцев.

На протяжении ряда лет Тургенев внимательно следил за деятельностью Гамбетты, которого считал честным политическим деятелем (XI, 366). В письмах к друзьям в Россию Тургенев неоднократно информировал их о выступлениях Гамбетты, излагал свое мнение об этих выступлениях и горячо защищал его в переписке с М. Е. Салтыковым в начале 1876 г. Тургенев писал Анненкову 8/20 января 1882 г.: «Вчера здесь, как вам известно, совершился финансовый и политический крах — и Гамбетта, еще за два месяца популярнейший человек во Франции и в палате — кверху тормашками полетел в грязь. — Поучительный казус!» («Красный архив», 1929, № 1, стр. 199).

Неожиданная смерть Гамбетты, который скончался в возрасте 44 лет, поразила Тургенева. Его письмо, отправленное в связи с этим Жозефу Рейнаку, который был одновременно личным секретарем Гамбетты и секретарем редакции «La République Française», вскоре появилось в газете. Вот перевод французского текста письма: «Думаю, что буду истолкователем чувства горестной симпатии большого числа моих соотечественников, прося вас возложить от имени их венок на могилу знаменитого мужа, которого лишилась Франция».

Тургенев писал Стасюлевичу 24 декабря 1882/5 января 1883 г.: «Сейчас вернулся с похорон Гамбетты, на которые ездил смотреть, несмотря на мое болезненное состояние <...> Никогда я ничего не видел подобного — ни как зрелище — ни как настроение. — Целая Франция провожала своего лучшего сына» (Стас., стр. 223). Уведомляя Анненкова, что через несколько дней его будут оперировать, Тургенев далее писал ему 10 января н. с. 1883 г.: «Это не мешает мне однако поздравить вас с Новым годом, как ни скверно он начинается. Чего стоит одна смерть Гамбетты! Я видел из окна его похороны — и ничего подобного в жизни не видал. Это уж точно целая Франция, целая раса, целый народ — провожали в могилу своего лучшего сына и вождя. И зрелища подобного я никогда не видывал» («Красный архив», 1929, № 1, стр. 205—206).

В русской печати смерть и похороны Гамбетты были широко освещены всеми газетами, — в частности, некролог, в общей сложности почти на целый лист, был помещен в «Новом времени» (1882, № 2449, 21 декабря), много статей и материалов о покойном появилось и в следующих номерах той же газеты. Подробно описал похороны Гамбетты парижский корреспондент «Отечественных записок» Шарль Шассен («Отеч. записки», 1883, № 2, отд. II, стр. 197—200).

Антуан Шанзи (1823—1883) — французский генерал, один из наиболее популярных военачальников в период франко-прусской войны. В 1879 г. был назначен посланником в Россию. В 1881 г. вернулся в Париж и со следующего года стал командиром одного из армейских корпусов. После смерти Шанзи ему были поставлены памятники в трех французских городах.

О «мрачных» новостях из России Тургеневу сообщал, по-видимому, Салтыков в недошедшем до нас письме. Основание для такого предположения дает его письмо от 18 декабря 1882 г. из Петербурга Н. А. Белоголовому: «... вообще жить тошно. Никакая переписка в голову не идет. Вот, например, сегодня случай: высылают из Петербурга Михайловского и Шелгунова. Срок для выезда — 1-го января, местожительства, где хотят вне границ Петербургской губернии. Причина высылки та, что были на балу у студентов Технологического института и там Михайловского качали и он что-то говорил. Михайловский уверяет, что он убеждал студентов в непригодности беспорядков; но, может быть, слова его были истолкованы иначе» (Щедрин, т. XIX, стр. 307).

Министр внутренних дел Д. А. Толстой назначил Е. М. Феоктистова начальником Главного управления по делам печати 1 января 1883 г., вследствие ухода по болезни, — как гласила официальная версия, — П. П. Вяземского (см. Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Редакция и примечания Ю. Г. Оксман. Л., 1929, стр. 216).

За два дня до этой записи Тургенев писал Анненкову: «А у нас-то экая тишь и благодать! Михайловского и Шелгунова высылают из столицы, Феоктистова сажают владычествовать печатью, Кавелин опять опасно заболевает, Гончаров окривел на один глаз, Победоносцев не идет в монастырь, хотя жена его сделала рогиносцем, рубль стоит ниже 2 франков 50 сантимов. Превосходно!» (письмо от 29 декабря 1882/10 января 1883 г. — «Красный архив», 1929, № 1, стр. 205—206). Анненков писал 3/15 января 1883 г. Тургеневу: «Феоктистов — шеф цензуры! Я его видел летом в Петербурге: он уже приготовился к посту, окормленный кровавым мясом, скрежеща зубами, свирепый и выдержанный, как собака-волкодав. Вяземский совсем и не был болен, а притворился больным, чтобы уйти от новых цензурных уставов» (Не издано. — ИРЛИ).

Дочь Тургенева от А. Е. Ивановой (белошвейки, служившей у В. П. Тургеневой) — Полина, в замужестве Брюэр (1842—1919), была источником бесконечных забот и огорчений отца. В начале 1882 г. ее жизнь с мужем окончательно зашла в тупик. По этому поводу Тургенев писал 13/25 февраля того года Анненкову: «Давно назревавшая катастрофа с моим зятем и дочерью совершилась — он умудрился пустить на ветер даже те деньги, которые я полагал упрочить за моими внуками, стал пьянствовать, грозить то себя убить, то ее — и теперь я ежедневно ожидаю, что она прибежит сюда со своими детьми, — я должен буду ее прятать — и немедленно завести процесс

de séparation de corps et de biens*, уже я переговорил с адвокатом и avoué** — и так надо опять обзавестись деньгами — продал своего любимого Руссо — продаю лошадь, кареты и т. д. Словом — нечто вроде краха. Невесело, как видите» («Красный архив», 1929, № 1, стр. 199—200). Сохранилось около трехсот пятидесяти писем Тургенева к дочери. О ней см.: Н. М. Г у т ь я р. И. С. Тургенев и его дочь Полина Брюэр — в сб.: Иван Сергеевич Тургенев. Юрьев, 1907, стр. 117—129; E. S é m e n o f f. La vie douloureuse d'Ivan Tourguéneff avec des lettres inédites de Tourguéneff à sa fille. Paris, 1933.

Какую имел в виду Тургенев «историю с Лулу» — сыном старшей дочери Полины Виардо — Луизы Эритт (1841—1918), — нам неизвестно.

Художник Э. К. Липгарт (1847—1932) в конце жизни Тургенева несколько раз рисовал его с натуры. В начале января 1883 г. он сделал рисунок пером, с которого была выполнена гравюра для первого тома «Полного собрания сочинений И. С. Тургенева» изд. И. И. Глазунова, выходявшего в Петербурге в 1883 году. 21 января/2 февраля этого года Тургенев писал Топорову: «Когда вы получите VI и X томы, то за мной останется I-й том <...> — небольшое предисловие и портрет. Он уже сделан здешним известным рисовальщиком Липгартом и гравирован» (ПСП, стр. 542). В письме к издателю Глазунову от 15/27 июля 1883 г. сказано по этому поводу: «Вследствие расстройства моего здоровья, я просил бы вас также избавить меня от хлопот о портрете, так как слабость сил моих не дает возможности ничего делать. Топоров здесь переговорит с художником Липгартом насчет окончательных распоряжений о печатании, высылке и т. п.» (там же, стр. 550). В предисловии Стасюлевича к первому тиражу первого тома посмертного издания говорится о рисунке Липгарта: «Портрет, приложенный к первому тому, изготовлен под наблюдением самого автора еще в январе нынешнего года, а в апреле был доставлен в Петербург первый оттиск с собственноручной надписью: „Париж 28(16) апреля 1883 г. Вполне одобряю. Ив. Т у р г е н е в“. Этот портрет был сделан „известным рисовальщиком“ в Париже г. Липгартом» (М. М. С т а с ю л е в и ч. Предисловие к посмертному изданию. — Полн. собр. соч. Тургенева, т. I. СПб., 1883, стр. VIII—IX). 4 сентября 1883 г. Липгарт зарисовал Тургенева на смертном одре; воспроизведение этого рисунка появилось в парижском журнале «Le Monde Illustré» и в петербургской «Ниве» (1883, № 38). Воспоминания Липгарта о Тургеневе и сообщение о нем Р. Б. Заборовской будут напечатаны в 76-м томе «Лит. наследства».

Посетив Тургенева 31 июля/12 августа 1882 г. в Буживале, Стасюлевич получил от него для напечатания в «Вестнике Европы» цикл «Стихотворений в прозе». Глубоко проникновенный отзыв о них Стасюлевич дал в письме к А. Н. Пыпину от 13/25 августа того же года: «Это — листки, наброски, зигзаги, силуэты и т. п., накопившиеся у Тургенева в течение последних пяти-шести лет, вследствие его привычки описывать новую мысль или чувство в самую минуту их рождения; потом, когда слагалось большое произведение — все это заносилось в него с отдельных листков. Сам Тургенев называет это — „Стихотворения в прозе“ и, действительно, недостает только метра и рифмы, чтобы вполне оправдать такое название; но в сущности это — чистая и иногда высокая поэзия. Во всяком случае, это — душевные мысли, думы и мечты великого писателя, как они пролетели мимо его, были им в ту же минуту изловлены и положены на бумагу. Числом их всего пятьдесят, от одной печатной страницы до пяти строк объемом. Например, одна из таких дум носит заглавие: „Русский язык“; величиной она ровно пять строк, но это золотые строки, в которых сказано более, чем в ином трактате; с такою любовью мог бы Паганини отозваться о своей скрипке. И все-таки я вам не дал полного понятия об этих „зигзагах“, которые коротки, как молния, и, как молния, внезапно освещают пред вами громадные перспективы. Это — Тургенев в беседах с самим собою. Для знатока и любителя этому цены нет; для Бурениных — сюжет для зубоскальства, для „кота“ — нередко случай покачать головой и выпустить когти» (Не издано. — ГПБ).

* по разводу и разделу имущества (франц.)

** поверенным (франц.).

С большим волнением ждал Тургенев откликов своих друзей и читателей на «Стихотворения в прозе» (были напечатаны в двенадцатой книжке «Вестника Европы» 1882 г.). Первым был отзыв Анненкова, приславшего 2/14 октября 1882 г. из Бадена пространное письмо по поводу прочитанных им «Стихотворений в прозе» еще до напечатания: «...общий их характер просто ослепил меня: темные кружки пошли в глазах, а из этих кружков стал выделяться удивительно симпатичный образ автора: что за гуманность, что за теплое слово, при простоте и радужных красках; что за грусть, покорность судьбе и радость за человеческое свое существование. Вы написали себе панегирик, Иван Сергеевич, этими стихотворениями и очень ошиблись, думая, что в них нет ничего личного, субъективного. Личное-то в них и играет первую и самую блестящую роль, личное-то и составляет их *raison d'être** и прелесть. Некоторые из рассказов мне показались бессодержательными, или я их не понял, — таковы „Соперник“ и „Конец света“. Но сохрани вас бог дотронуться до них или выкинуть их: весь чудный аккорд будет нарушен, они необходимы в нем, как, пожалуй, неправильности в ином лице, которые составляют часто его красоту. Да и за один их язык они должны остаться там, где стоят: и от них несется та очаровательная нота, как и ото всех других» (Не издано. — ИРЛИ). В письме, отправленном в тот же день Стасюлевичу, Анненков так отзывался об этом цикле: «... ткань из солнца, радуги, алмазов, женских слез и благородной мужской мысли, которая называется „Стихотворения в прозе“» (Стас., стр. 406). Тургенев ответил Анненкову 5/17 октября 1882 г.: «...ваш отзыв о моих „Стихотворениях“ — меня искренне обрадовал — и успокоил. Теперь я уже не сомневаюсь в том, что следовало их напечатать» («Красный архив», 1929, № 1, стр. 205). Таков же был и ответ В. П. Гаевскому, приславшему Тургеневу восторженное письмо: «...благодарю вас за дружеский привет и доброе слово по поводу моих „Стихотворений в прозе“. Ваше одобрение служит мне ручательством в том, что их стоило напечатать» (ПСП, стр. 532). 5/17 ноября Тургенев писал Топорову: «Редакция „Вестника Европы“ — их очень хвалит; но что-то скажет публика? Очень уж эти стихотворения не подходят к тому, что она привыкла читать». Месяц спустя, когда они уже были напечатаны, Тургенев снова обратился к Топорову: «Полагаю, что г. Стасюлевич вручил вам оттиск „Стихотворений в прозе“. Надеюсь, что хотя некоторые из них вам понравятся. Публика и критика отнесутся к ним или равнодушно, или презрительно: но я от этого не заплачу» (ПСП, стр. 513 и 528). Тургенев был, конечно, очень рад, что их успех превзошел все его ожидания. Но едва ли не больше всего порадовало Тургенева полученное им письмо, в котором Толстой выразил свое восхищение некоторыми из стихотворений в прозе. Письмо Толстого до нас не дошло, но ответ Тургенева от 15/27 декабря 1882 г. красноречиво свидетельствует о том, как ему был дорог отзыв Толстого («Толстой и Тургенев. Переписка». М., 1928, стр. 110).

Однако не все отклики тогдашних читателей «Стихотворений в прозе» были столь восторженными. С. А. Рачинский, например, писал К. П. Победоносцеву 13 декабря 1882 г.: «Читали ли вы, любезный Константин Петрович, „Стихотворения в прозе“ Тургенева? Какая виртуозная стилистика — и какое мальчишеское содержание! Читаешь — и краснеешь за автора. Прилагаю заметку по поводу одного отрывка <„Молитва“>, особенно меня возмущившего» (Не издано. — ИБ).

Разделились и мнения прессы об этих созданиях Тургенева. Отклики на «Стихотворения в прозе» появились во многих периодических изданиях России. Как выдающееся литературное событие расценила весь цикл «Новости и Биржевая газета» (1882, № 321, 2 декабря), которая утверждала: «...многие из этих „заметок“ превосходны, по мысли и языку, полны поэзии и глубоко западают в душу». Статья Арс. Введенского в «Голосе» кончалась так: «„Стихотворения“ И. С. Тургенева — действительно стихотворения, проникнутые гуманной мыслью, которая постоянно и неумолчно звучит в каждом отрывке, если не считать нескольких „осенних отрывков“. Конечно, эти мелкие отрывки, уже по самому характеру и складу своему, не могут иметь того огромного значения, которое свойственно его произведениям, посвященным анализу общественной жизни. Но и короткие отзвуки душевной жизни поэта, выражающиеся в

* аромат (франц.).

чрезвычайно поэтических, целостных, западающих в душу образах, не пройдут бесследно в душе читателя и вызовут чувства, не совсем обычные в наше беспощадное время» (1882, № 330, 4 декабря). В статье, озаглавленной «Поэтические искры И. С. Тургенева», газета «Одесский листок» писала: «Нужно ли говорить о эстетической жажде, с которой бросится каждый к страницам „Вестника Европы“, на которых рассыпаны поэтические искры маститого художника, — искры дышат поэзией и глубиной мысли, нужно ли говорить о том высоком наслаждении, которое испытывает читатель, любясь этими мимолетными набросками, этими художественными отрывками, от которых веет бодростью, свежестью, молодостью великого бессмертного таланта и глубоко любящего сердца» (1882, № 274, 8 декабря). В то же время появились статьи, авторы которых, будучи вынуждены признать, что «конечно, эти наброски имеют известное художественное достоинство», приходили к такому глубоко неверному выводу: «...мы видим, что Тургенев не верит в будущее родной страны и родного народа» (статья «Созерцателя» <Л. Е. Оболенского> в «Русском богатстве», 1883, № 1, стр. 215—217).

О последней повести Тургенева «После смерти» («Клара Милич») — см. ниже.

Тургенев потратил много времени, энергии и даже денег, чтобы роман Мопассана «Жизнь» мог появиться в «Вестнике Европы» одновременно с публикацией во Франции. Сначала он уговорил Мопассана согласиться на это и передал ему в качестве аванса 1000 франков из своих денег. Затем Тургенев стал убеждать Стасюлевича принять условия Мопассана. Вот первое письмо Тургенева, отправленное им по этому вопросу Стасюлевичу 12/24 ноября 1882 г.: «Известный вам молодой романист, Гюи де Мопассан, бесспорно самый талантливый из всех современных французских писателей, написал роман, который с 15 февраля будет напечатан в „Жильблазе“ — рядом фельетонов. — Содержание этого романа мне известно — оно нисколько не скабрёзно, как некоторые другие его вещи. — Он мне на днях прочел несколько больших отрывков — и я положительно пришел в восторг: со времени появления „Г-жи Бовари“ ничего подобного не появлялось. — Это не то, что Золя и пр. — Я знаю, что за мной устанавливается репутация слишком снисходительного судьи и критика — но, либо я ничего не смыслю, либо роман Мопассана из ряда вон выходящее явление, *капитальной* вещь. — Он бы не прочь продать его в рукописи — с тем, чтобы перевод явился не ранее 15/3 февраля будущего года — т. е. первая его часть; вторая может явиться месяцем позже — т. е. в мартовской книжке „Вестника Европы“ (предполагая, что первая явится в февральской). — „Вестник Европы“, кажется, до сих пор таких дел не делал — но, повторяю вам, это вещь необыкновенная и произведет сильное впечатление, — Мопассан уступил бы его за 600 рублей серебром. — Переводчика хорошего я нашел бы здесь — и сам наблюдал бы за переводом. — Подумайте — и дайте мне ответ, также, по возможности, скорый. Вот что я имел сказать вам. Заглавие романа „Une vie“*. Это целая жизнь честной, хорошей жизни**, целая интимная драма, изображенная первоклассным художником» (Стас., стр. 218—219). В одном из следующих писем Тургенева к тому же адресату говорится: «Дело с Мопассаном улажено. — Весь роман будет состоять из 10, много 11 листов (печатных) „Вестника Европы“ (малого шрифта). Первую половину вы можете напечатать в февральском № „Вестника Европы“, вторую — в мартовском. — Он не может дать разом всю рукопись; он будет давать отдельные главы по мере их списыванья. — Первая уже находится в руках переводчика. — Я не могу поступить иначе, так как посылать рукопись в Петербург оказалось невозможным, но будьте спокойны — перевод будет хорошо сделан, под моим наблюдением; и получите вы его в назначенный вами срок — к 25-му нашего декабря. — Соблюдая ваши интересы, я установил цену с Мопассаном в 500 рублей серебром. — Переводчик за лист получит 70 франков (менее 30 р. серебром)» (письмо от 30 ноября/12 декабря 1882 г. — Стас., стр. 221). Упомянув в начале письма от 8/20 декабря о случившемся с ним «казусе насчет мопассановского романа», Тургенев далее писал Стасюлевичу: «Мопассан полагает, что он за свой роман получит 500 рублей. — Но он бы

* «Жизнь» (франц.).

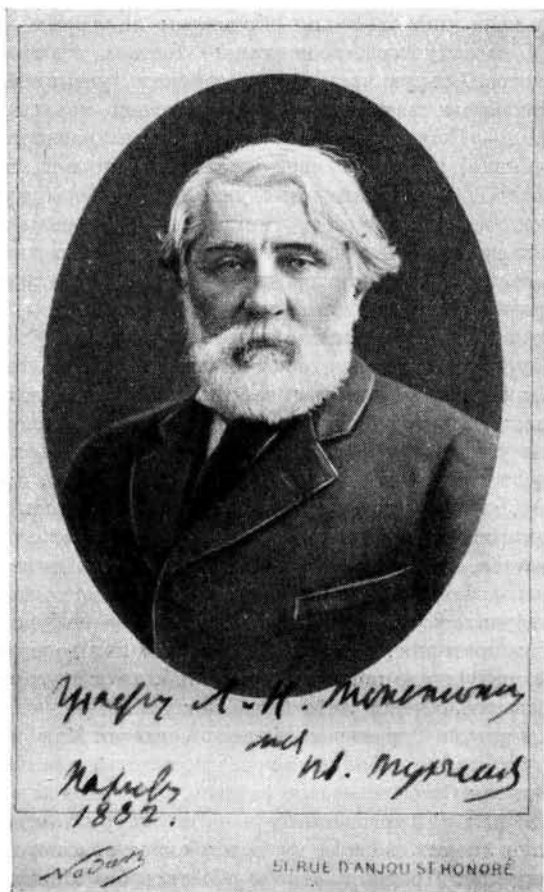
** По-видимому, описки; надо: женщины.

ТУРГЕНЕВ

Фотография 1878 г. с дарственной
надписью:

«Графу Л. Н. Толстому от Ив. Тур-
генева. Париж. 1882»

Музей Л. Н. Толстого, Москва

удовлетворился и меньшей суммой. — Я ему растолкую, что тут вышло недоразумение и что ему заплатят 1000 франков — и он будет доволен. — Я охотно готов взять 400 франков на себя: надо чем-нибудь наказать себя за легкомысленность. Но роман прелесть — и чистоты чуть-чуть не шиллеровской <...> А перевод будет мною просмотрен — и явится к вам вовремя — за это я, хоть и легкомысленный человек, ручаюсь» (Стас., стр. 222).

Но Тургенев и на этот раз оказался «легкомысленным человеком», поручив перевод русскому журналисту, не имевшему опыта в таком деле. Это был революционер Н. П. Цакни (1851—1904), бежавший из ссылки за границу, обосновавшийся в Париже и живший там в нужде (см. о нем в изд.: «Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь», т. II. Семидесятые годы, вып. 4, 1932, стб. 1894—1896). Перевод романа «Жизнь» оказался настолько неудачным, что Тургенев не рискнул отправить его в «Вестник Европы». 25 декабря 1882/6 января 1883 г. он написал Стасюлевичу: «Получивши перевод мопассановского романа (первой части), я с сожалением должен был убедиться, что послать его вам в настоящем виде невозможно. — Принялся за переделку (более чем за поправку), но раньше недели выслать рукопись невозможно. — Следовательно, вы раньше 16/4-го января получить ее не можете — а это для печатания в февральском №-е едва ли не слишком поздно. И потому: отлагая этот перевод до мартовской книжки, вы теряете всю выгоду de la primeur* — и не имеете ни нужды ни даже возможности платить 1000 фр<анков> автору. — И потому: вы их не платите. Во-первых: это сумма небольшая в сущности,

* первенства (франц.).

и меня нисколько не обременит; во-вторых, — я очень рад был и буду доставить ее Мопассану из своего кармана; в-третьих, я должен же поплатиться за свою опрометчивость. Вторую часть я уже поручил Луканиной, с чего мне бы следовало начать; она исполнит свою задачу наверное очень хорошо. — Вам останется заплатить за перевод. — Пожалуйста, не изменяйте моих распоряжений и примите их. — Если бы, паче чаяния, перевод первой части успел попасть в февральскую книжку, я буду очень рад; но и в противном случае плакать не буду; подарить 400 рублей талантливому человеку, да еще моему приятелю — „mes moyens me le permettent!“*. Итак, я считаю это делом решенным — и прошу вас только известить меня телеграммой о вашем согласии, в котором ваша дружба не дает мне сомневаться. — А поправлю я перевод хорошо — ибо моя амбиция будет затронута — да и времени у меня довольно, так как я, поневоле, опять перестал выезжать» (Стас., стр. 224). Однако через четыре дня Тургенев пришел к выводу о полной непригодности для печати перевода, сделанного Цакни, и окончательно забраковал его. Сообщая об этом Стасюлевичу, Тургенев писал: «Перевод оказался невозможным. — Я начал было переделывать и поправлять, но убедился, что доставить его, как я полагал — через неделю или даже через две, — дело немыслимое. — Виноват в том, конечно, я; — я отдал работу прекрасному малому, который совершенно был способен писать (и писал) журнальные корреспонденции; но, не имея никакого литературного таланта и даже плохо владея языком (оказывается, что для писания корреспонденций даже этого не нужно), потерпел совершенное фиаско! — Что было делать! <...> Мне только ужасно жаль, что моя комбинация не удалась — и что „Вестник Европы“ не будет иметь придуманного мною *primeur*’а. Но, повторяю, в этом виновата одна моя доверчивость и необдуманность, за которую и следует мне поплатиться. — Мой, хотя неудачный, но честный переводчик не хочет слышать о какой-либо плате за свою несчастную работу — но уж это мое дело». В том же письме Тургенев сообщает о согласии Мопассана предоставить журналу вместо романа «две свои большие повести, которые окончит нынешней весной» (Стас., стр. 225). Отклик Стасюлевича на эту историю находим в его письме к Пыпину от 2 января 1883 г.: «С Тургеневым у меня случилась такая история (по поводу *Maupassant*), что ни в сказке сказать, ни пером описать, а потому, сегодня вечером изображу вам ее вкратце. Придется совсем обойтись без Мопассана» (Не издано. — ГПБ). В 1883 г. произведения Мопассана в «Вестнике Европы» не появлялись.

В литературе о Тургеневе имя Николая Петровича Цакни до сих пор не упоминалось. В издании «М. М. Стасюлевич и его современники», где были напечатаны письма Тургенева, в которых шла речь о переводчике «Жизни», имя этого «прекрасного малого» не было раскрыто. В 1887 г. Цакни получил разрешение вернуться на родину, жил в Одессе, заведовал редакцией «Одесских новостей», а затем был редактором либеральной газеты «Южное обозрение» («Библиография периодических изданий России. 1901—1916». Л., 1960, т. III, стр. 646). Скончался 21 июля 1904 г. в Одессе. Очень немногое из того, что он помнил о Тургеневе, Цакни рассказал одному журналисту, в позднейшие годы напечатавшему запись этой беседы (Ф. И. С. Тургенев. (По воспоминаниям его друга Н. П. Цакни). — «Руль», Москва, 1908, № 129, 25 августа). Ни в одном из библиографических указателей по Тургеневу эти воспоминания не были зарегистрированы.

Человек, «безумно» влюбившийся в Клоди Виадро, «который, чуть не по ее приказу, уехал в Марокко», — это Морис Палеолог (1859—1944), французский литератор, видный дипломат. Его служба в министерстве иностранных дел Франции началась в 1880 г.; до 1886 г. он находился на дипломатических постах в Марокко, Италии и Китае. Назначенный в январе 1914 г. послом в Россию, Палеолог многое сделал для укрепления франко-русского союза и его подготовки к мировой войне. Летом 1917 г. он вернулся во Францию. Занимая в 1917—1920 гг. руководящие посты в министерстве иностранных дел, Палеолог был сторонником интервенции. Автор книги о Талейране, Меттернихе и Шатобриане, исследований по вопросам внешней политики, искусства; его перу принадлежит трехтомный мемуарный труд «*La Russie des tsars pendant*

* «Мои средства мне это позволяют» (франц.).

la Grande guerre» («Царская Россия во время мировой войны»). В 1928 г. Палеолог был избран членом Французской академии.

Как Тургенев и собирался, этот вечер в канун нового года (с. с.) он провел в Обществе русских художников, где даже выступил с чтением «Стихотворений в прозе» (об этом см. в его записи от 15/27 января 1883 г. и ниже запись в дневнике в. к. Константина Николаевича от 31 декабря с. с. 1882 г.).

Тургенев был давно знаком с в. к. Константином Николаевичем (1827—1892). Сын Николая I, на протяжении своей жизни занимавший ряд крупнейших государственных постов, он был натурой весьма противоречивой. Вот как его характеризует Е. М. Феоктистов: «Мне впервые случилось видеть вблизи этого человека, о котором ходило так много разнообразных толков, которого одни считали чуть ли не гением и главным виновником освобождения крестьян, а другие — человеком легкомысленным и вздорным <...> Впечатление, произведенное на меня великим князем, было не совсем приятное. Его манеры, разговор отличались каким-то мальчишеством (не могу прибрать другого, более удачного слова), он удивлял ребяческими выходками, которые были особенно неудачны в его серьезном положении» (Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы, стр. 139—140). Тургенев иногда прибегал к помощи Константина Николаевича, в частности, когда требовалось облегчить участь русских революционеров. Именно так он поступил, когда в 1879 г. был арестован Герман Лопатин. Вот что Тургенев писал из Буживаля 28 сентября/10 октября этого года Лаврову о начатых им хлопотах: «... поеду к Орлову — и постараюсь воздействовать через него на великого князя Константина — но и тут надо поступать с величайшей осторожностью, как бы не испортить дело, дав понять великому князю, что мне известны некоторые сношения его с революционерами» (см. публикацию писем Тургенева к Лаврову во второй книге этого тома). В эти годы Константин Николаевич почти постоянно жил в Париже, где у него была вторая семья. Ему посвящены следующие строки в письме Тургенева из Парижа от 13/25 февраля 1882 г. к Анненкову: «Читал я своего „Отчаянного“ (не Бешеного) — в нашем кружке — с успехом: великий князь изволил смеяться — впрочем, мы с ним в приятельских отношениях: он даже сам свел меня к своей quasi*-жене — Кузнецовой, с которой он здесь живет maritalement**: трое детей, а она — простая, красивая и очень тихая и скромная горничная» («Красный архив», 1929, № 1, стр. 200).

В ЦГАОР хранится архив в. к. Константина Николаевича, в котором находится его дневник за 1882—1883 гг. с записями о Тургеневе. Мы их публикуем здесь впервые (даты по старому стилю):

3 февраля 1882 г. <...> В $\frac{3}{4}$ 7-го пришли ко мне Боголюбов с Тургеневым, которого тотчас повел в дом и познакомил. В $\frac{7}{4}$ сели обедать. Был еще Лихачев, так что нас сидело восемь человек за столом. Я поручил заботы об обеде и приличной его обстановке нашему лакею Monsieur Jacques, который особенно и постарался. Явились и цветы, и хрусталь, и серебро, и лакеи в белых галстуках, в том числе concierge*** этого дома, и отличные вина, и самый обед был отличный и изысканный, и все отлично удалось. Тургенев остался потом до $\frac{1}{2}$ 12-го (в 10 часов подали чай), и все время разговор самый оживленный, свободный и интересный, и он нам всем оставил самое приятное впечатление. Потом играли еще в винт до второго часа.

1 мая 1882 г. <...> Потом визит к М-ме Виардо. Ввели меня в салон, где оказался ее муж, где с ним и познакомился. Скоро пришла и она, приятно поболтали. Потом наверх к бедному Тургеневу, который сильно болеет какой-то непонятной болезнью, которую называют грудною жабою. Он мне ужасно симпатичен и, кажется, и я ему также.

30 декабря 1882 г. <...> Потом к М-ме Виардо. Болтал с мужем, с ней, потом с Тургеневым, который сошел. Ему гораздо лучше, чем весною, но, когда стоит, боли возвращаются. В<воскресенье> ему сделают операцию, вырезывание нароста в нижней

* будто бы (лат.).

** по семейному (франц.).

*** привратник (франц.).

части живота, не опасно, но очень больно, а хлороформировать не смеют ради его болезни.

31 декабря 1882 г. <...> В 1/2 9-го пошли домой, переоделись во фрак и белые галстуки и поехали в наш русский артистический клуб, 18, rue Tilsit. Там елка, но еще почти никого не было. Собрались только в 10 ч. Брандуков играл на виолончели, Енгальчева (ее муж два года в сумасшедшем доме) пела, и Ив. Сер. Тургенев прочел три маленьких рассказа. Сегодня меня поразило, как он от болезни постарел, опустился и ослаб, так что жалко смотреть.

3 февраля 1883 г. <...> Потом поехал к М-ме Виардо. Не застал и пошел наверх к Тургеневу. Застал его на кушетке. У него опять возобновились боли его грудной жабы, хуже прошлогоднего, пароксизмами в 9 утра и вечера. В промежутках же довольно хорошо. Долго приятно болтали. Спрашивал про меня и моих. Я сказал, что сегодня именины, он тотчас вспомнил, что именно в этот день был у нас в прошлом году и просил поздравить. Спустился вниз к М-ме Виардо и объяснил ей, почему не могу с ней публично играть.

23 февраля 1883 г. <...> В 4 часа поехал к Тургеневу проститься перед отъездом. Сперва разумеется зашел к М-ме Виардо: Дала мне про него самые дурные и грустные вести. Сегодня ночью думали, что он совсем отходит, такое было у него волнение и удущье. Но оказалось, что произошло от слишком сильного приема аконитина и прошло от сильных горчичников *vigilo**, и он после того хорошо спал от 4 до 8. Но настоящая его болезнь очень усиливается, и страшные припадки, при которых он даже кричит, повторяются несколько раз в день. Тогда его немного облегчает обкладывание совершенно горячими салфетками. Такой именно припадок у него в это время начинался, и потому я, к сожалению, его видеть и не мог. Ужасно жалко этого Иова многострадального, и, бог весть, суждено ли мне когда-нибудь с ним снова увидаться.

26 августа 1883 г. <...> Забыл сказать, что Головин мне телеграфировал, что 23 числа** умер бедный Ив. Сер. Тургенев.

В архиве в. к. Константина Николаевича сохранились в копиях «Записка И. С. Тургенева о необходимости издания специального журнала для обсуждения всех вопросов, связанных с разработкой положения о новом устройстве крепостных крестьян», а также датированная 9/21 января 1858 г. программа журнала «Хозяйственный указатель». По-видимому, по этим копиям оба документа были напечатаны личным секретарем Константина Николаевича А. В. Головинным в «Русской старине», 1883, № 10, стр. 7—16 (перепечатано в Соч. 1930, т. XII, стр. 447—453; ср. письмо Тургенева к Головину от 19/31 января 1881 г. — «Русская старина», 1883, № 9, прилож., стр. 6).

Одним из наиболее интересных французских собеседников Тургенева был Ипполит Тэн (1828—1893) — человек энциклопедических знаний в разных областях истории мировой культуры. Литературовед и искусствовед, историк и философ, публицист и политический деятель, Тэн сыграл значительную роль в интеллектуальной жизни Франции второй половины прошлого века. После Парижской коммуны Тэн из умеренного либерала превратился в реакционера. Эта эволюция Тэна отрицательно отразилась на трактовке исторических событий в его известном труде «Происхождение современной Франции», излагающем историю и предысторию Великой французской революции XVIII века. Несмотря на ошибочность многих своих методологических установок, Тэн тонко раскрывал художественные качества разбираемого им произведения литературы или искусства. С некоторыми из его оценок Тургенев соглашался. Считался он и с мнениями Тэна насчет своих собственных произведений и радовался его положительным отзывам о них. Так, сообщая Анненкову о том, какое впечатление произвел рассказ «Отчаянный» во Франции, Тургенев писал: «Французским *lettrés****

* *Vigilo* — бодрствование, бессонница (лат.).

** *Неточность*: Тургенев умер 22 августа /3 сентября 1883 г. — И. 3.

*** просвещенным людям (франц.).

эта вещь понравилась; Тэн меня даже сконфузил своими комплиментами» (письмо от 13/25 февраля 1882 г.— «Красный архив», 1929, № 1, стр. 200). Из переписки Тургенева и Тэна известно лишь шесть записок Тургенева (Г.-К., стр. 320—323).

Гастон Парис (1839—1903) — выдающийся исследователь средневековой литературы Франции и историк французского языка. Судя по дошедшей до нас переписке Тургенева с Парисом (в печати она еще не появлялась), их дружеские отношения возникли в конце 1870-х годов. «Вы не сомневайтесь, что из всех жителей Парижа вы тот, чье присутствие и беседа были бы мне приятнее всего. Поэтому, как только мне станет немного лучше, я поспешу воспользоваться вашим добрым предложением», — писал ему Тургенев 24 июня 1882 г. (перевод; не издано, хранится в Париже).

Последнее из дошедших до нас писем Тургенева к Парису как раз то, которое было отправлено 12 января 1883 г. с просьбой посетить его: «Дорогой друг, мне очень бы хотелось повидать вас и немного потолковать с вами. Я сам навестил бы вас, но вот что со мной случилось. В воскресенье утром я перенес операцию (удаление неврома на нижней части живота), вследствие которой я должен лежать неподвижно в постели в течение недели, по меньшей мере.— Поэтому, начиная с понедельника, если вам захочется, приходите ко мне в любой день и час. Вы будете уверены, что застанете меня, а я буду рад вас видеть. Глубоко преданный вам Ив. Т у р г е н е в» (перевод; не издано, хранится в Париже). Судя по записи от 12 января н. с., Парис посетил Тургенева в тот самый день, когда письмо это было отправлено. В следующей записи — от 27 января н. с.— говорится, что Парис еще дважды посетил Тургенева.

Н. К. Скворцова-Михайловская (1852 — ок. 1938) — врач-психиатр, с 1873 г. учившаяся в Париже и защитившая там в 1881 г. докторскую диссертацию. Входила в петербургские кружки чайковцев («Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь», т. II, вып. 4, 1932, стб. 1516). Ее воспоминания о встрече с Тургеневым в последние месяцы его жизни см. в 76-м томе «Лит. наследства».

Н. И. Паевский (1849—1916) — активный участник революционного движения 70-х годов. По процессу 193-х его должны были предать суду, но он успел скрыться за границу («Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь», т. II, вып. 3, 1931, стб. 1134—1135). Медицинское образование закончил во Франции. В ИРЛИ хранится записка Тургенева к Паевскому (не издана), которая свидетельствует о том, что 12 декабря с. с. 1880 г. должна была состояться их встреча. В записи Тургенев положительно отзывается о повести Паевского «Савка», которую ему передала А. Н. Луканина, впоследствии жена Паевского. В конце мая 1883 г., при посещении Паевским Тургенева, последний выразил желание перечитать эту повесть, чтобы дать рекомендательное письмо к Стасюлевичу, или к редактору «Русской мысли» С. А. Юрьеву. 8 июня 1883 г. Тургенев попросил Луканину составить письмо к Стасюлевичу, предварительно изложив ей на словах содержание, уже не будучи в состоянии диктовать. Когда письмо было готово и передано Тургеневу для подписи, он сказал: «Это слишком скромно, я гораздо высшего мнения о повести». Но самому написать отзыв о повести ему уже было не под силу, и письмо, по всей вероятности, осталось неотосланным. Повесть не была напечатана (А. Л^ук^ан^ин^а). Мое знакомство с И. С. Тургеневым.— «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 80, 83—84).

А. Н. Луканина (1843—1908) получила звание и диплом врача в 1876 г. в Филладельфийской женской медицинской коллегии и в следующем году поселилась в Париже. Осенью 1877 г. познакомилась с Тургеневым и часто встречалась с ним до последних месяцев его жизни. «Очень умная, симпатичная и хорошая женщина», — так охарактеризовал Тургенев Луканину после первой встречи с ней. Занималась литературной деятельностью и при помощи Тургенева стала сотрудничать в «Вестнике Европы». В ИРЛИ хранятся пятьдесят два письма Тургенева к Луканиной, двадцать три из них напечатаны в ЛА т. IV, стр. 346—374; здесь же подробные биографические сведения о ней. Воспоминания Луканиной о Тургеневе, в основу которых легли ее дневниковые записи их бесед,— см. «Северный вестник», 1887, № 2, стр. 38—59 и № 3, стр. 47—88.

Начиная с 1876 г., Тургенев помогал Н. Н. Миклухо-Маклаю (1846—1888): хлопотал об оказании ему материальной поддержки во время подготовки путешествий, да и сам передал ему безвозмездно значительную сумму. 6 июня 1876 г. Тургенев обратился к П. М. Третьякову с письмом, в котором просил его дать «естествоиспытателю и путешественнику» Миклухо-Маклаю «6000 рублей серебром в ссуду на пять лет без процентов». Судя по расписке, сохранившейся в бумагах Третьякова, 12 февраля 1877 г. он передал для Миклухо-Маклая 1000 рублей, и возможно такого рода поддержку он оказывал ему неоднократно (см. А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М., 1951, стр. 213—214; см. также письмо Тургенева к Топорову от 15 июня 1876 г. — ЛА т. IV, стр. 241—242). Тургенев писал Ю. П. Вревской 12/24 мая 1877 г., что «подарил» Миклухо-Маклаю 1000 рублей («Щукинский сборник», вып. V. М., 1906, стр. 495). Направляясь в декабре 1882 г. в Австралию, путешественник, проездом побывав в Париже, дважды посетил Тургенева. Сохранилось письмо, в котором Тургенев просил Лаврова 27 декабря 1882 г. достать для приехавшего в Париж Миклухо-Маклая брошюры, «написанные бывшими сосланными в Новую Каледонию коммунарами, о жизни их там и претерпленных ими там страданиях» (см. вторую книгу настоящего тома). В том же письме Тургенев говорит, что Миклухо-Маклай снова будет у него 29 декабря. Об этих встречах см.: Л. Б. Модзалевский. Воспоминания Н. Н. Миклухо-Маклая о посещении И. С. Тургенева в Париже в 1882 г. — «Вестник Академии наук СССР», 1933, № 10, стр. 42—47. Неблагоприятный отзыв Тургенева о работах Миклухо-Маклая объясняется, очевидно, тем, что результаты трудов этого выдающегося ученого не были тогда широко известны, и Тургенев судил о них опрометчиво.

Миклухо-Маклай посетил Тургенева в декабре 1882 г. вместе со своим близким приятелем А. А. Мещерским (1844—?), состоявшим некоторое время секретарем отделения статистики Русского географического общества. Именно Мещерский, который был знаком с Тургеневым с 1875 г., в следующем году привел к нему Миклухо-Маклая. Мещерский много сделал для того, чтобы Миклухо-Маклай смог получить деньги, необходимые для путешествий. Сохранилось письмо Мещерского к Тургеневу от 5/17 августа 1876 г. с настойчивой просьбой помочь путешественнику материально. Мещерский писал: «... то обстоятельство, что я до сих пор не получил от вас второго обещанного вами мне уведомления — дает мне некоторую смелость еще раз вам написать о Миклухе! Его положение не только критическое, но безутешно трагическое! Если ему теперь деньги не будут *sicher in Aussicht gestellt** (5—6 тысяч), он должен, принужден будет решиться на *äusserstes***, т. е. закабалиться в службу местного голландского правительства, частной компании или какого другого лица, чтобы отработать долги, сделанные им за эти годы! При этом вероятнее всего, что по дороге выполнения им подобным путем денежных обязательств — он окончательно лопнет от истощения сил и физических и нравственных! <...> Будьте так добры и великодушны, дорогой и родной русский европеец, помогите — отчаянно, безутешно и томительно стоять над могилой еще живого и близкого человека, доведенного до критического своего положения — только искренностью и силой своего симпатического увлечения! <...> Не говоря уже о личном нравственном ощущении Миклухи и его близких — если действительно ему так придется кончить, глупо и жалко, если все результаты его самоотверженных предприятий пропадут без толку и *ohne Verwertung****. Для последних же необходимо возвращение его в Европу — для этого же уплата еще в нынешнем году — 5—6 тысяч! Крепко жму ваши обе руки, попросите просто у вашего брата для себя займы эту сумму, а я вам отвечаю кровью и плотью за уплату ее вам» (Не издаю. — ИРЛИ). В печати известно письмо Тургенева к Мещерскому от 13/25 августа 1876 г. с обещанием предоставить в феврале следующего года Миклухо-Маклаю три тысячи рублей («Щукинский сборник», вып. X. М., 1912, стр. 202—203). В последние месяцы жизни Тургенева Мещерский часто навещал больного писателя, оказывал ему посильную помощь; об этом он говорит в воспоминаниях «О последних днях Тургене-

* твердо обеспечены (нем.).

** самое крайнее (нем.).

*** без пользы (нем.).

ва» (сб. «На память об И. С. Тургеневе». СПб., 1883, стр. 16—22). О встречах с Мещерским у постели умирающего Тургенева рассказывают В. В. Верещагин («Очерки, наброски, воспоминания». СПб., 1883, стр. 140—141) и Стасюлевич («Из воспоминаний о последних днях И. С. Тургенева». — «Вестник Европы», 1883, № 10, стр. 853).

Н. А. Герцен (1844—1936) — старшую дочь Герцена Тургенев знал с ее детских лет. «А дочки твои прелестные; особенно Тата, такое славное, умное, здоровое и здоровое существо!» — писал Тургенев Герцену 4/16 декабря 1862 года. Семь лет спустя, когда Наталья Александровна тяжело заболела, он так выразил 25 ноября/7 декабря 1869 г. свое чувство по этому поводу: «Образ ее остался в моей памяти таким светлым и прекрасным, что я не могу верить, чтобы облако, набежавшее на него, не рассеялось тотчас и навсегда» («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева, 1892, стр. 205). В 1870-х годах Наталья Александровна часто навещала Тургенева, вместе с ним бывала в парижском Обществе русских художников и ездила в их мастерские. Сохранились две его записки к ней от января 1870 г., относящиеся к периоду предсмертной болезни Герцена (см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 539), а также четыре письма, датированных 1875 г. («Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Путеводитель. Литература». М., 1963, стр. 550). О Н. А. Герцен см.: Н. П. Анциферов. Старшая дочь Герцена (Тата). Письма, автобиографические наброски, воспоминания. — «Лит. наследство», т. 63, стр. 442—504; см. также ЛА т. III, стр. 209.

Жи́кин — кулак в Спасском, о котором Тургенев хотел написать очерк или новеллу. Замысел этот возник у Тургенева летом 1876 г., когда он был в деревне. Журналист, посетивший Тургенева в Спасском, писал: «Во время нынешнего пребывания в деревне внимание г. Тургенева обратило на себя одно весьма грустное явление, которое он считает стоящим литературной разработки; явление это — ростовщичество и кулачество, развившиеся, в последнее время, до колоссальных размеров. Ростовщиками являются и помещики, и купцы, и сами крестьяне-кулаки» (П. У Ивана Сергеевича Тургенева. — «С.-Петербургские ведомости», 1876, № 207, 29 июля). Об этом замысле он рассказал на встречах в феврале 1880 г. в Петербурге с молодыми писателями-народниками, организовавшими в 1879 г. журнал «Русское богатство». Один из них, публицист С. Н. Кривенко, вспоминает: «Скоро разговор перешел на разные внутренние вопросы: на народ, экономическое его положение, земельное устройство, возрастание кулачества и проч. — Вот явление, — сказал Тургенев относительно кулачества, — с которым просто необходимо считаться и не оставлять его без внимания. Скоро не будет, кажется, деревни без кулака. Плодятся они положительно, как грибы, и чёрт знает, что делают. Это какие-то разбойники. Я думаю написать рассказ об одном таком артисте, который так и назову — „Всемогущий Житкин“. Это, видите ли, сосед бывших наших крестьян. Он не только всячески их эксплуатирует, не только берет с них разные поборы и чуть ли не каждый день загоняет их скот и берет штрафы, но захватывает даже у них землю, переносит межи и переставляет столбы». Далее Кривенко приводит подробный рассказ Тургенева о грабительских повахдах этого кулака (С. Н. Кривенко). Из литературных воспоминаний. — «Исторический вестник», 1890, № 2, стр. 269—272). Брат управляющего Спасским М. А. Щепкин был свидетелем решительного разговора Тургенева с Жижиным (он называет его мельником, Жижиным). Мемуарист так завершает свое сообщение: «Впоследствии дело с Жижиным дошло до суда; Иван Сергеевич велел моему брату пригласить адвоката защищать интересы крестьян; это стоило около 400 рублей, но дело Иван Сергеевич проиграл, и Жижкин взял верх» (М. Щепкин. Воспоминания об И. С. Тургеневе в селе Спасском. — «Исторический вестник», 1898, № 9, стр. 923—924). Имя этого кулака встречается в письмах Тургенева. В одном из них (к Ж. А. Полонской от 20 декабря с. с. 1881 г.) имеются такие строки: «Скажите Якову Петровичу, что я ничего не понял из всего, что он сообщил мне по поводу Топорова, моего управляющего, его адвоката, Жикина и графа Голенищева-Кутузова... да оно и не нужно! — Дело пойдет своим порядком — и в конце концов Жикин останется непобедимым — что и требовалось доказать» (ПСП, стр. 396. — В мемуарах фамилия кулака называется по-разному).

〈К ЗАПИСИ ОТ 15/27 ЯНВАРЯ 1883 г.〉

В книжке Л. С. Утевского «Смерть Тургенева» (1923, между стр. 28 и 29) воспроизведена страница автографа письма Тургенева к Ж. А. Полонской от 11/23 января 1883 г. с его рисунком, изображающим вырезанную опухоль, и со следующими словами: «Я рад, что освободился от дурацкого неврома (вот его верная копия) 〈далее рисунок〉. Через неделю я совсем здоров — и так как теперь решено, что я могу и стоять, и ходить, и даже танцевать, то ничего не остается более желать!» (ср. ПСП, стр. 539).

Но эти оптимистические прогнозы врачей оказались неверными, и вскоре физическое состояние Тургенева стало резко ухудшаться.

Доктор Л. Б. Бертенсон лечил Тургенева до операции молочной диетой, а от боли в ключице советовал прикладывать глину. Через две с лишним недели после операции Тургенев писал ему: «Любезнейший доктор! Я получил ваше любезное письмо и прежде всего благодарю вас за чисто русское сочувствие. Операция удалась вполне; рана зажила, и я бы мог выезжать, если бы не моя старая болезнь, которая в последнее время разыгралась с новой силой. Теперь уже не одна ключица, а вся грудь, и спина, и бока болят, даже когда я лежу или сижу, так что прикладывание глины к одной ключице было бы бесцельно. Приходится лечиться по-прежнему: терпением и неподвижностью. Молоко я продолжаю пить, а к морфию прибегаю только в крайних случаях. О поездке в Россию, как и вообще о всякой поездке, нечего и думать: буду опять сидеть у моря и ждать погоды» (ПСП, стр. 541).

Певица Н. А. Енгальчева, которую Тургенев слушал в Обществе русских художников, некоторое время выступала на профессиональной сцене за границей под именами «Эльвира Анжели» и «Энгали». Княжна, воспитывавшаяся в Смольном институте, она затем училась в Петербургской и Миланской консерваториях. Дебютировала в Париже на сцене Лирической оперы, а после закрытия этого театра выступала в Комической опере. В 1878 г. вернулась в Россию, где имела большой успех. С похвалой писала о ее выступлении в Москве в 1878 г. в опере «Жизнь за царя» газета «Московские ведомости» (№ 220, 1 сентября). Столь же восторженными были отзывы о ней и в Петербурге в 1881 г. («Биржевые ведомости», 1881, № 240, 29 сентября; «Русский музыкальный вестник», 1881, № 31, стр. 4). В начале 80-х годов Енгальчева много путешествовала за границей. Ее имя многократно встречается в статьях и письмах П. И. Чайковского. Отмечая в своих музыкально-критических статьях 1871—1873 гг. «феноменально-красивый голос» Енгальчевой, Чайковский в то же время упрекает ее в сценической неопытности, в «детски непродуманной игре» (см. П. Ч а й к о в с к и й. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка, т. II. Музыкально-критические статьи. М., 1953, стр. 36, 63—64, 66, 119, 131, 134). В письмах, отправленных в декабре 1876 г. из Парижа, Чайковский сообщает С. И. Танееву, что пригласил выступить на своих концертах Полину Виардо и Енгальчеву (см. в той же серии т. VI, «Письма», 1961, стр. 90 и 102).

Последняя повесть Тургенева «Клара Милич» (первоначальное название «После смерти»), появившаяся в январской книжке «Вестника Европы» 1883 г., сразу привлекла к себе пристальное внимание друзей и почитателей писателя. Что же касается высказываний прессы, то они были противоречивыми.

В основу повести был положен реальный факт — самоубийство известной актрисы Е. П. Кадминой, отравившейся на сцене Харьковского театра 4 ноября 1881 г. во время спектакля, в котором она исполняла роль Василисы Мелентьевой Островского (см. о ней: В. В. У м а н о в - К а п л у н о в с к и й. Из воспоминаний о Е. П. Кадминой. — «Исторический вестник», 1905, № 12, стр. 897—905). Об этой трагической истории Тургеневу рассказывали М. Г. Савина, Л. Ф. Нелидова и Ж. А. Полонская. Тургенев писал 20 декабря с. с. 1881 г. Полонской: «Презамечательный психологический факт — сообщенный вами — посмертная влюбленность... Из этого можно бы сделать полуфантастический рассказ в роде Эдгара По. — Я, помнится, видел раз эту Кадмину на сцене (когда она была еще оперной певицей; у ней было очень вырази-

тельное лицо). Замечательно также ваше описание отношений этой больной девушки к сосланному еврею» (ПСП, стр. 396).

Еще до напечатания повести пространный отзыв о ней отправил автору Анненков: «Мастер чудный! Пишу вам под впечатлением только что прочитанной превосходной вашей повести. Вы не должны ожидать, да, вероятно, и не ожидаете, чтобы она дружелюбно была встречена на нашей родине людьми, обзывающими сумасшествием всякий психический случай, открывающий позади реального мира еще какой-то другой, и весьма могущественный мир. Тут чем художественнее переданы просветы в те пучины души, которые живут в человеке, тем сильнее озлобление и негодование политиканов и физиологов, думающих, что все может и должно быть осязаваемо патологией, химией и просто руками. От них, конечно, вы не найдете приветов. Со всем тем смело посылайте свою вещь в печать, и без всяких поправок, ибо тут нет ни одной фальшивой черты, никакого пробела и никакого преувеличения или чересчур сильного размаха фантазии и выражения. Все просто, обыденно, так сказать — и полно смысла. И какое мастерство — не впадая в супернатурализм и мистическое своеволие, держаться на границе, где они, именно, начинаются, стоять на одной почти с ними почве и держать их в узде. Не раз удивлялся я художественной силе, которая необычайный случай умела представить, как нечто совершенно естественное и нисколько не имеющее характера диковинки. Тот еще не понял рассказа, кто не может представить его себе, как „истинное происшествие“. Надо было большое искусство, чтобы сделать его таким. Особенно тонко и эффектно проведено в нем чувство критическое у Аратова по отношению к Кларе, переплетающееся со страстью и любовью, которые потом и одолели его вполне. Клара — живое лицо, будучи вместе с тем и поэтической загадкой: это — тайна таланта создавать из психических ребусов поразительные образы. Признаюсь, меня несколько смутило то, что вы заставили ее отравиться *после первого акта* оперы, в самом театре, самоубийство, все-таки, сопровождается некоторым раздумьем, — но, вникнув в дело, нашел, что черта эта почти необходима в экономии ее портрета. Последние страницы с видениями Аратова — суть шедевры этого рода описаний. Самая искренняя вера в реальность галлюцинаций Аратова не покидает читателя, между тем, как под ними он чувствует все время невидимую струю натурального объяснения дела. Это и составляет премудрость художника! Может быть, следовало бы настойчивее показать, что Аратов есть отшельник и аскет, — ибо только с аскетами могут случаться такие пассажи, — и крупнее обозначить все намеки, которые у вас существуют, на эту сторону его характера; но замечание мое походит на приискивание укоров, когда нет никаких готовых в распоряжении. Не знаю, будет ли иметь успех эта вещь в нашей публике, весьма самодурной (ведь имела же успех „Торжествующая песнь любви“), но знаю, что если вам важен и успех у одного человека, давно наблюдающего за литературными гешефтами, то успех полный, совершенный, непререкаемый. Мастер чудный, написавший на 64 году жизни „После смерти“, кланяюсь вам своим скромным поздравлением» (письмо из Бадена от 19 сентября/1 октября 1882 г.; не издано. — ИРЛИ).

Говоря, что Суворин «расхвалил» повесть, Тургенев имел в виду его статью, в которой «Клара Милич» была названа «перлом». Далее в статье говорится: «Дело идет опять о таинственном, как в „Песне торжествующей любви“». Несколько страниц, где автор рассказывает свидание героя со своей умершей возлюбленной, производят необыкновенно сильное впечатление. Рукою удивительного мастера написаны эти страницы, дышащие страстным одушевлением веры в жизнь за гробом. Меня занимает вопрос: откуда эта Клара Милич? Кем она навеяна? На эти вопросы я отвечаю прямо: покойной Кадиной. Это была необыкновенного дарования натура, не то Виардо, не то Рашель, как говорит Тургенев, а может быть Виардо и Рашель вместе. Все таинственное в повести принадлежит автору, ему же принадлежит идеализация этой актрисы. Но это она, ее пылкая душа, ее даровитость, ее страстность, ее безумие и несчастье, ее удивительная смерть, когда она, проглотивши яд (фосфорные спички), поехала играть в театр и два акта играла. Понять такой глубокий талант, смыть с него житейскую пошлятину, очистить бриллиант от грязи, в которой он валялся, заставить жалеть об этом таланте, которого ждала музыкальная слава, об этой женщине, которая

соединила в себе лучшие дары артистки — мог только большой талант и такой искренний гуманист, как Тургенев» (Н е з н а к о м е ц <А. С. Суворин>. Письма к другу. — «Новое время», 1883, № 2460, 3 января).

Положительные отклики на «Клару Милич» появились и в других периодических изданиях России. Так, Арс. Введенский причислил повесть к «поэтическим перлам, свидетельствующим о полной еще силе поэтического таланта автора» («Голос», 1883, № 6, 6 января). В. Чуйко считал, что это произведение «написано мастерски и если не манерой, то красотой целых страниц напоминает лучшие вещи Тургенева по тонкому и поэтическому чувству, которым от них веет» («Новости и Биржевая газета», 1883, № 6, 8 января). А. М.—в писал: «Несмотря на некоторую эксцентричность в характере лиц и фантастическую исключительность в развязке рассказа, он приковывает к себе читателей своими подробностями и самостоятельностью взгляда, свойственного истинному дарованию. Почитателям Тургенева повесть эта должна быть особенно приятна, как доказательство, что наш романист, несмотря на свои лета и продолжительную болезнь, не утратил еще таланта» («С.-Петербургские ведомости», 1883, № 18, 19 января).

Но в печати появилось и немало отрицательных отзывов о «Кларе Милич». Л. Е. Оболенский утверждал: «Рассказ сколочен грубо; все живые нитки эффекта видны; лица все искусственно пригнаны к одной цели и сами по себе ничего не представляют». Чувства героя повести Оболенский назвал «нечистоплотностью» и «любовью обезьяны» («Русское богатство», 1883, № 2, стр. 463, и № 3, стр. 724). М. А. Протопопов считал, что Тургенев «на трех печатных листах дурманит читателя чисто спиритским утаром», и что произведение это вредное, ввиду популярности его автора («Дело», 1883, № 2, «Журнальные заметки», стр. 33). Против нападок критиков «Русского богатства» и «Дела» выступил в защиту повести П. О. Морозов («Неделя», 1883, № 10, стр. 316—317).

Жорж Шамро был мужем Клоди Виардо. 24 декабря 1873/5 января 1874 г. Тургенев писал Людвигу Пичу: «Будущего мужа Диди зовут Georges Chamerot — это чудесная, молодая, благородная, деятельная натура — иначе я ни за что не дал бы своего согласия. — Он владелец одной из первых здешних типографий (<...> Диди любила его лишь в последние полтора месяца — и мне не случилось переживать ничего более очаровательного... Все мы, так называемые писатели (!), в подобных вещах только слепые подражатели и, à peu près* мастера» (Письма к Пичу, стр. 155). До конца жизни Тургенев не изменил своего отношения к Шамро. В предсмертные дни Тургенева Шамро неотходил от его постели. Рассказывая о прощании Тургенева с членами семьи Виардо, один из мемуаристов передает его слова: «Веришь ли ты мне, веришь, — говорил он, обращаясь к зятю m-ше Виардо, Шамро, — я всегда искренно любил, всегда, всегда, всегда был правдив и честен, ты должен мне верить... Поцелуй меня в знак доверия... Я тебе верю, у тебя такое славное, русское, — да, русское — лицо» (А. Мещерский. О последних днях Тургенева. — Сб. «На память об И. С. Тургеневе». СПб., 1883; «Новое время», 1883, № 2699, 1 октября). Вместе с другим зятем Полины Виардо — Дювернуа — Жорж Шамро и его жена сопровождали гроб с останками Тургенева в Россию и приняли участие в похоронах. Письма Жоржа Шамро, написанные им осенью 1883 г. в дни пребывания в Петербурге и относящиеся к изданию сочинений Тургенева, см.: Стас., стр. 270—272.

Рассказ «Перепелка» Тургенев написал по просьбе С. А. Толстой для журнала «Детский отдых», издававшегося ее братом П. А. Берсом (см. письмо Тургенева к С. А. Толстой от 27 января с. с. 1884 г. — ПСП, стр. 372—373). Отправлен был рассказ вместе с письмом на имя Л. Н. Толстого лишь 26 октября/7 ноября 1882 г. («Толстой и Тургенев. Переписка». М., 1928, стр. 109). Узнав о решении издать этот рассказ отдельной книжкой с иллюстрациями Васнецова и Сурикова вместе с рассказом Толстого «Чем люди живы» с иллюстрациями Репина и Маковского, Тургенев написал 15/27 декабря 1882 г. Толстому: «Моей „Перепелке“ вы делаете слишком большую честь,

* приблизительно (франц.).

снабжая ее рисунками таких художников, как Васнецов и Суриков. Она только тем и хороша, что послужила материалом для их таланта». Через три недели Тургенев уже получил выпущенную в свет книжку и, очень ей порадовавшись, продиктовал письмо к Толстому: «Милый Лев Николаевич, хотя я принужден прибегать к помощи чужой руки, но я не хочу откладывать своего спасибо за присланный вами прекрасный подарок. Моей „Перепелке“ оказана большая честь; поблагодарите от меня кн. Оболенского, от которого я получил очень любезное письмо» (там же, стр. 111—112). Название этой книжки: «Рассказы для детей И. С. Тургенева и гр. Л. Н. Толстого, с рисунками В. М. Васнецова, И. Е. Репина, В. Е. Маковского и В. И. Сурикова». Изд. П. А. Берса и кн. Л. Д. Оболенского. М., 1883.

Знакомство Тургенева с прогрессивным французским историком, публицистом и литератором Анри Мартеном (1810—1883) восходит к началу 1860-х годов. Косвенное свидетельство об этом можно извлечь из писем Герцена к Тургеневу той поры. В одном из них — от 16/28 марта 1862 г. — Герцен делится с Тургеневым своим положительным мнением о появившейся в марте 1862 г. в парижской газете «Le Siècle» статье Мартена, посвященной французскому переводу «Былого и дум». В другом письме — от 9 мая н. с. того же года — Герцен просит Тургенева передать Мартену брошюру Н. П. Огарева «Essai sur la situation russe» (Герцен АН, т. XXVII, кн. 1, стр. 215 и 220; см. также: «Неизвестные строки Герцена о „русском социализме“». Публикация и послесловие Ю. Г. Оксмана. — Сб. «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, стр. 9—15). В напечатанной в той же газете «Le Siècle» 26 декабря 1864 г. статье, посвященной работе Герцена «О развитии революционных идей в России», Мартен упоминает Тургенева. Говоря о западниках, отчаявшихся в будущем России, и о славянофилах, поддерживавших политику Николая I, Мартен замечает: «Между этими двумя группами появилось несколько писателей без предвзятых взглядов, но которые хотели надеяться. Из них первое место принадлежит превосходному художнику нравов Ивану Тургеневу» (статья перепечатана в книге Мартена «La Russie et l'Europe», 1866, р. 382). Тургенев писал Гюставу Флоберу 23 июня н. с. 1878 г.: «Лично я очень люблю Мартена и рад его успеху» (Г.-К., стр. 196). Мартен был дружен не только с Тургеневым, но и с семьей Виардо, часто бывал у них на вечерах. Об этом рассказывает Е. И. Апелрева: Е. А р д о в (Апелрева). Мои воспоминания о И. С. Тургеневе. — «Русские ведомости», 1904, №№ 4 и 18, 4 и 18 января. Мартен — автор многих исторических трудов, в том числе пятнадцатитомной «Истории Франции», выдержавшей несколько изданий; его перу принадлежит также большое число исторических романов. Он пережил Тургенева всего на три месяца — скончался в Париже 13 декабря 1883 года. О нем существует исследование: G. H a n o t a u x. Henri Martin, sa vie, ses œuvres, son temps (Paris, 1885).

В литературе о Тургеневе нет никаких данных о «болгарском патриоте и революционере» Плевако, именуемом в записи «любопытной фигурой». Ни слова о нем не сказано и в обстоятельной работе В. Велчева «Тургенев в Болгарии (Вторая половина XIX века)», напечатанной на русском языке (в изд.: «Годишник на Софийския университет. Филологически факултет», 1959/1960, т. LIV, 3, стр. 711—852), а также в другой работе того же автора: «Неизвестни писма на И. С. Тургенев в България» («Език и литература», София, ч. XVI, 1961, кн. 5, стр. 55—61). В своих воспоминаниях Виктория Живкова-Благова, известная деятельница социалистического движения в Болгарии, встречавшаяся с Тургеневым и переписывавшаяся с ним, говорит, что ему были известны болгарские политические и литературные деятели и что он общался с ними, высоко их ценил и продолжал следить за их судьбой (см. первую из названных работ В. Велчева, стр. 731). Но, очевидно, о встречах Тургенева с некоторыми из них исследователи никакими документальными сведениями до сих пор не располагали. Поэтому пришлось предпринять самостоятельные поиски для выяснения вопроса, о каком именно Плевако идет речь в дневнике Тургенева. Мы обратили внимание на указание о наличии среди писем к Тургеневу, хранящихся в ИРЛИ, неизданного письма на визитной карточке некоего К. Плевако («Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. IV. И. С. Тургенев». М. — Л., 1958, стр. 39). Предположение, что человеку с такой фамилией, упомянутому в дневнике Тургенева, и принадле

жала эта визитная карточка, полностью подтвердилось. На ее лицевой стороне типографским способом напечатано:

Casimir Plewako

ex-Capitaine de l'Armée de Bulgarie

на оборотной стороне текст записки:

«Иван Сергеевич!

Я нашел средство к существованию, это ажурная работа т. е. пилка по дереву; нужны деньги фр. 25 — на покупке станка, пилок и дерева, если можете одолжите бог даст, заработаю отдам в совокупности» (пунктуацию сохраняем без изменений).

Из этой записки видно, что Тургенев помогал Плевако неоднократно.

«Дурацкая прокламация принца Ж. Наполеона» была напечатана 4/16 января 1883 г. в парижской газете «Figaro». Тогдашний глава династии Бонапартов принц Жером, желая осудить политику Третьей республики, выступил с «Манифестом», который был первоначально отпечатан на красной бумаге и расклеен на стенах домов Парижа в большом количестве экземпляров. В «Манифесте» говорилось, что «народ имеет право назначить себе главу» и что «сделано воззвание к всеобщей подаче голосов». В телеграмме из Парижа, напечатанной 5 января с. с. в «Новом времени», откуда мы берем сведения о содержании прокламации, далее сообщалось следующее: «Правительство занялось обсуждением вопроса, какие меры принять относительно принца. Принц Жером заявил редактору газеты „Temps“, что манифест выпущен им ввиду несомненной неспособности республики к управлению. Принц отвергает мысль, будто бы он стремится к восстановлению личной власти; по его словам, никто не может в такой степени, как он, назвать себя противником монархического правления, и говорит: „Если бы граф Шамбор сделал попытку вступить на престол, то я первый взял бы ружье и вышел на баррикаду, чтобы сражаться против него“. Принц уверен, что выпуск манифеста — дело законное, так как расклейка его допускается законами. Принц Жером арестован и перед следователем признал себя автором манифеста» («Новое время», 1883, № 2462, 5 января).

Манифест Жерома-Наполеона вызвал большое возбуждение в политических кругах Франции. Дело завершилось тем, что 29 января н. с. 1883 г. к власти пришел новый кабинет министров. 1 февраля Палата депутатов приняла решение, что принцы царствовавших во Франции фамилий не имеют права состоять на военной и гражданской службе и могут быть высланы из страны по решению президента республики, если их присутствие будет признано «угрожающим безопасности государства».

М. А. Языков (скончался 5 января 1883 г.) — приятель Белинского, Панаева, Боткина, Грановского, был близок в 1840-х годах к редакции «Современника». В поэме «Поп» (1844), в которой Тургенев упоминает своих добрых знакомых той поры, имеются такие строки:

Языков сам столь влажной, столь приятной
Меня почитит улыбкой благодатной.

Тургенева и Языкова до конца их жизни связывали сердечные отношения, каждый из них нередко оказывал другому различного рода услуги. Уже на закате их жизни Тургенев писал Языкову: «Очень мне было приятно получить весточку и о вас. Ваше имя напоминает мне то уже далекое, но хорошее время, когда еще наш кружок не распался, время молодости, деятельности... Каждая встреча с вами, наяву ли, на бумаге ли — будит во мне приятные, хотя и немного грустные мысли» (письмо от 10/22 августа 1881 г. — ПСП, стр. 382). О Языкове см.: Тург. АН. Письма, т. V, стр. 753—754. Здесь М. А. Языкову приписаны даты рождения и смерти (1811—1885), относящиеся к его однофамильцу; ошибка объясняется тем, что оба они упомянуты на одной и той же странице изд.: Петербургский некрополь. СПб., 1913, т. IV, стр. 673.